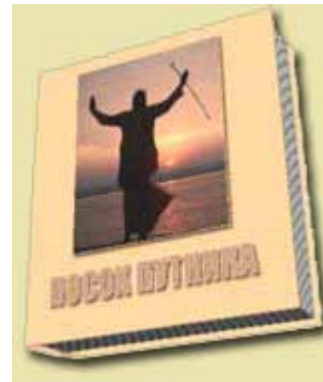

БУСОН БУТНАНА

ПОСОХ ПУТНИКА

2006

www.reikimaster.nm.ru

ОТ ИЗДАТЕЛЯ.

Уважаемый читатель! Перед Вами интереснейший образец эзотерической литературы семидесятых годов, т. е. такой литературы, которая была доступна лишь ограниченному кругу людей. В те годы в нашей стране неожиданно появилось большое количество книг, посвященных различным аспектам духовного развития человека. Это явление как бы подтверждало пророчество Агни йоги о помощи, которую Архаты оказывают человечеству раз в столетие. Как правило, эти книги были в машинописном или ксерокопированном варианте после многократного перепечатывания, со “слепым”, местами, текстом и неисправленными ошибками. Работы были безымянными или подписаны псевдонимами. Все это отражало обстановку в стране, а авторы ставили задачу донести знания до людей, а не заработать себе авторитет и гонорары.

“Посох Путника” одна из немногих (если не единственная!) книг, в которой раскрываются общие корни всех духовных знаний и различных религиозных традиций. Несмотря на малый объем, в ней очень четко расставлены вехи, ориентируясь на которые, искатель сможет наметить собственный путь и избежать многих ошибок и заблуждений, свойственных неопытным приверженцам отдельных направлений. В книге очень много тонких советов, заметить которые и оценить их истинность сможет только достаточно подготовленный читатель с развитой интуицией. Поэтому не забывайте эту книгу после первого прочтения. Вместе с Вашим духовным ростом Вы сможете открывать в ней новые грани и темы для последующей работы.

Конечно, многие вопросы здесь изложены очень кратко, только намечены, и для их полного уяснения надо обратиться к другой литературе.

Для интересующихся йогой можно порекомендовать замечательные лекции Свами Вивекананды, о дзене имеются в русском переводе работы Судзуки и А. Б. Уоттса, эзотерические знания мексиканских магов талантливо изложены в книгах К. Кастанеды. Ну, и конечно, советуем познакомиться со всеми работами Ошо - Просветленного Мастера из Индии, особенно тем, кто всерьез хочет заниматься медитацией. Есть много и другой достойной литературы. Ищущий — найдет.

“Великий Путь не труден”,— говорил древний мудрец. Осознание своего Пути даст легкость и радость жизни. “Посох Путника” поможет этому осознанию.

Всем духовным искателям желаем блага!

Г.М.

- I -

То, что будет сказано ниже — очень краткое наложение основ Учения Путников, которое по праву может считаться древнейшим на этой планете, наиболее широко распространенным, и в то же время — наименее известным широкой публике. Сущность парадокса в том, что хотя в целости своей Учение во все времена оставалось скрытым для праздного любопытства, множество его проявлений всегда было налицо, и его влияние, без преувеличения, буквально пронизывает собой чуть ли не все значительные философские, религиозные и этические системы древнего и нового времени. “Имеющий уши да услышит” — тот, кого влекло к познанию Учения желание действительно приобщиться к сокровенной его мудрости, всегда находил и калитки и врата, ведущие внутрь его здания, и, во всяком случае, видел само это здание. Прочие же попросту ничего не замечали, проходя сквозь это здание, как сквозь пустоту. Дело в том, что по

большинству внешних проявлений, исключая лишь очень немногие, Учение не выходит за рамки обыденного, привычного человеку окружения, как бы сливаясь с окружающим его фоном, оно всецело обращено к внутреннему миру человека, изменяет и формирует его духовную сущность, духовную позицию. Человек же заурядный привык судить по внешним признакам, мыслить внешними, вещественными категориями, тем, что можно “пощупать”, ухватить физически. В отношении к Учению это все равно, что попытаться схватить рукой воздух или поймать ладонью солнечный зайчик: и то и другое реально существует, обладает бытием, но — качественно иного порядка...

Можно сказать, что Учение просто, как сама природа. В принципе оно и есть естественный взгляд на мир, естественное видение всего в этом мире существующего и происходящего. Но именно поэтому оно и крайне сложно, ибо человек заурядный живет в искусственном, им

самим сконструированном и раскрашенном мире, навязывая ему свои, им же придуманные или изобретенные законы и взаимосвязи. В результате он видит мир как бы сквозь замочную скважину сам того не осознавая, и этот “весь мир” он подчиняет законам “замочной скважины”, а затем в рамки этих законов пытается затолкать и то, что порой открывается ему при выходе за пределы привычного поля зрения.

Но стихийное бедствие для муравья, глубоководной океанической рыбы или человека — вещи по своим масштабам несравнимые, между ними колоссальная качественная и количественная разница. Если, отталкиваясь от этого, попытаться образно охарактеризовать то, что дает своему адепту Учение, можно сказать, что посвящение в него, восприятие его мудрости позволяет муравью, например, увидеть мир глазами человека, более того, внутренне перевоплотиться в него. Но и только. Внешне он останется муравьем. Таким образом, никакой

материальной выгоды или пользы Учение ему не принесет. Кто стремится к достижениям подобного рода и возлагает надежды на Учение, лишь обманет себя, лучше ему не приближаться к этой мудрости и, оставаясь слепым, тешиться уютными, пестрыми, привычными иллюзиями, и не более. Учение несет прозрение, и кто уже прозрел, вновь слепым не станет, разве что выколет себе глаза. Могут возразить, что зрячим быть лучше, чем слепым. Да. Но в чем это “лучше”? И не получится ли что мир, который откроется прозревшему, окажется для него холодным, неуютным, жутким и пугающим, невообразимо чуждым в сравнении с мирком его иллюзий? Не выйдет ли, что он, познав законы этого гигантского мира, окажется слишком слаб, чтобы вынести их бремя и тем более, чтобы противиться им? Он будет попросту раздавлен...

Именно об этом, предостерегая, говорил Великий Неизвестный, который принес Учение на эту планету и стал первым учителем Путников: “Я

учу вас ничему”. Именно эту опасность имели в виду два других, известных людям современности, Путника: царь Соломон (“Во многой мудрости много печали.”) и Иисус Христос (“Не мир я вам принес, но меч!”).

По этой причине приобщение кого-либо к Учению должно быть медленным и постепенным, чтобы ученик, открывая нечто новое для себя, был внутренне готов к этому открытию, чтобы оно не обернулось вредом для него. Тут как с тем, кто долго голодал: если давать ему пищу понемногу, он быстро восстановит силы, но дайте ему целый хлеб, самый пышный и самый питательный, — и он умрет, как от сильнейшего яда. Иное дело, что и насущную и духовную пищу каждый воспринимает неодинаково: один ел с утра и до ночи сыт, другой через час уже голоден, и что одному здоровье, другому смерть.

Поэтому Учение, и тем более тончайшие детали его, передавались и передаются, как правило,

только от наставника к ученику и в устной традиции. В разные времена и по разным причинам обычай избегать записи Учение приобретал то характер предпочтительности, то прямого запрета. Сейчас мне позволено в общих чертах, с освещением некоторых деталей, дать этот очерк основ Учения.

Должен сразу же предупредить читателя: сообщенные тут сведения могут резко расходиться с воззрениями нынешней науки и каждый волен по своему усмотрению верить или не верить им. Моя роль — роль информатора, который вправе сказать то и столько, что и сколько ему позволено. Из этих же соображений я храню молчание о некоторых источниках приводимых тут сведений.

- II -

Согласно традиции, земная родина Учения — большой, сравнимый с Гренландией, остров в Атлантике, позднее ушедший под воду. Одно из его имен, благодаря Платону, стало популярным. В сущности Атлантида — искажение “Алл-ллан”, что значит “древняя, старая земля”, или “Авал-ллан” — “яблочная, яблонева́я земля”. Сходная форма “Аттар-а-ллан” — “земля отцов, предков”. Все это, однако, лишь эпитеты. Исконным названием страны было “Эмайн”, “Эмайн-Маха” — “Эмайн Великая”.

Слово это происходит от древнего корня “мн” — “человек” и дать его точный перевод трудно. По смыслу ближе всего здесь “человеческая, принадлежащая людям”, “земля людей”. Для нас важно другое имя этой страны — “Маг-Мэдл” или “Маки-Мэлт”, полностью “Маг-Тее-Танн-Мэдл”, буквально: “Место, обителище сынов

богини, праматери Танн”. “Маг” означает “сыны”, множественное число от “маг” — “сын”. (Более позднее кельтское “мак” — “сын”.) Так звалось одно из обитавших здесь двух больших племен “Туатх-Тее-Таннан” — “Племя богини Танн”, точнее — “Род праматери Танн”. После Исхода и расселения этого племени по планете, Танн в разных местах и в разное время была известна как Дани, Дамм, Танит, Танис, А-Таэнэ (Атэнэ, Афина), Нэйт и др. Сыновей ее звали иногда “маги” или “те-танны”, “ти-танны”, “теу-танны”, “даны”, “дануны”, “дананы” (греч. “данайос”, “данайцы”). Они носили множество имен, часть которых бытует и доныне.

После Исхода, незадолго до гибели Эмайн, сыны Танн, Великой Матери, либо дали начало многим древним и нынешним народам, либо стали вождями, жрецами, учителями разных племен иного корня. Уже по происхождению каждый из них был жрецом Учения и хранителем его, был “Путником”. Кем бы он ни был, он в первую

очередь был “маг-о-Тее-Танн” — “сын богини Танн”. Так в глазах иных народов любой жрец Учения стал “магом” и само Учение получило название “магии”. Позже смысл этого слова был извращен. Поэтому следует различать “магию”, как ходячее название любого рода колдовства, чародейства и т. п. и “магию”, как синоним Учения, понятие, относящееся к схожей, но гораздо более возвышенной практике, к совокупности определенных идей и действий, стройному комплексу, который лег в основу ведущих религиозно-философских систем древнего и современного Востока, древних Европы и Азии, стал их скрытым стержнем, их сущностью. Иногда он выявлял себя в чистом виде, иногда те или иные принципы и положения его разрабатывались, углублялись и систематизировались мыслителями различных высококультурных народов. Таким образом возникали разные течения и ветви Учения, которые поверхностному наблюдателю,

ищущему различия, а не сходство, покажутся не имеющими друг с другом ничего общего.

Так, в Индии одновременно существуют наиболее близкая к собственному Учению (и в некоторых аспектах тождественная с ним) мага-философия, которую считают родоначальницей других школ, и о г а, ставшая в последнее время модной на Западе и представленная целым рядом систем, и т а н т р а. При множестве детальных различий они родственны между собой. В свою очередь, от раджа-йоги позднее отделилась одна из ее ступеней — д х ь я н а, которая при активном участии буддистского фермента (также производного от Учения) была в Китае (“чань”), и особенно в Японии (“дзен”) очищена от многих наслоений и реставрирована почти до полного совпадения с отдельными частями Учения.

Маги Халдеи, Вавилонa, Ирана, эламские, финикийские, египетские жрецы, как и многие иные, часто были братьями и по крови, ибо хотя

не всякий жрец был магом, любой маг был жрецом. Это стало своеобразной монополией сынов Танн — поставка жрецов многим, разным внешне, но единым по сути своей религиям дальних и близких народов. Лишь в некоторых изолятах потомки Танн сохранились, как живущие по своим обычаям самостоятельные группы и племена (напр. маги Иранских гор, жители Магадхи в Индии и др.). Остальные растворились среди иных народов, приняли их имя, язык и обычаи, оставаясь, тем не менее, собой. Уже ко времени Исхода народ этот, в основном, перешагнул ту стадию развития, на которой национальная или племенная принадлежность определяется лишь единым местом обитания, языком, одеждой и прочими внешними признаками.

“Живи где хочешь, с кем хочешь, но помни кто ты и будь собой”— эту заповедь оставил нам Великий Неизвестный. У нас нет своего языка, ибо все языки наши, нет иной родины, кроме Эмайн,

и нет земли, кроме земли под ногами, а потому наша — вся Земля.

Сила, связующая магов воедино,— Учение. Разумно, пожалуй, будет назвать его, как принято у Путников — йук, что означает “ярмо”, “связка”. Второе из этих значений важно в том смысле, о котором говорилось выше: Учение — крепчайшая связь между посвященными в него, связь неразрывная, обязательная и во всем. “Ярмо” же указывает на то, что всякий принимающий Учение впрягается в его колесницу и везет ее всю жизнь, как вол, напрягая силы и не останавливаясь, порой изнемогая в этом жестоком, но благородном ярме. “Йук” символизирует труд, который добровольно и сознательно принимает на себя посвященный. Тот, кто решается на это, становится для нас “га-йуа”—“брат по ярму, сояремник”. Посвященного зовут и “двиджия”, “двиджива”—“дважды живущий”, “дважды рожденный”. Это следует понимать как в переносном смысле (т. е.

обретший второе, духовное рождение), так и в прямом. Но это — тема, которой мы пока касаться не будем.

Кстати, “йук” в том же значении это и есть “йога”, о которой мы уже говорили. Мы еще не раз будем здесь обращаться к различным ветвям Учения при рассмотрении тех аспектов его, которые этими ответвлениями или школами наиболее основательно систематизированы. К этому нас принуждает письменная форма передачи Учения — ему самому не присущая.

Перед тем, как перейти к дальнейшему изложению, сделаем предупреждение: важны суть, а не буква Учения, его дух, а не детали и декорации. При письменной передаче неких знаний у воспринимающего возникает иллюзия тождества прочтения с приобретением, познанием. Иначе, если он прочел (заучил, запомнил) что-то, он считает, что знает, обладает этим. Но, например, я выучил наизусть стихи на

незнакомом мне языке, обладаю ли я ими? Обладает ли попугай, которого научили кричать: “ $E=mc^2$!”, — этой формулой, ее смыслом? А ведь бывает, что написанное на понятном нам языке и заученное нами без проникновения в суть оказывается на поверку так же чуждо нам, как формула попугая.

Что касается Учения, то здесь эта иллюзия наиболее губительна, ибо суть его заключена не в словах (да она и не может быть выражена словами), но стоит за ними. Ее нельзя зазубрить, заучить, ее надо ощутить, ухватить, понять. Собственно саму позицию Учения можно определить как активный антидогматизм, оно гибко, текуче и могущественно, как вода, и в этой его способности вбирать в себя все и постепенно очищаться, оставаясь собой, залог его живучести, жизненности и вечной победы над любым противодействием. Невозможно быть Путником, не будучи диалектиком, и нельзя стать диалектиком, лишь приняв утверждение, что все

течет и все изменяется, надо самому стать этим движением, стать этой текучей водой.

- III -

Этот аспект Учения, как правило, оказывается наиболее сложным для разъяснения, и, в принципе, понимание его необходимо лишь тем, кто твердо решил достигнуть высших ступеней посвящения и почувствовал в себе внутреннюю готовность к их восприятию. Излагая космогонические представления Учения, наставники обычно используют сложные символы и образы, ибо и материал тут огромен, и передать его надо в движении, в развитии. При этом выявляются все господствующие в Универсуме законы, взаимосвязи и взаимозависимости. Это — высшая математика Учения, которая для начинающих в конечном итоге может стать “китайской грамотой”, понять которую можно либо при долгой подготовке традиционным, т. е. устным и индивидуальным методом, либо при естественной предрасположенности к высшей степени абстрактному мышлению. Поэтому в целях

облегчения восприятия мы не будем здесь вдаваться в детали. Ограничимся лишь изложением некоторых общих выводов и положений.

Некая всеобщая первооснова и первопричина может быть представлена как беспредельная, безличная и бесформенная субстанция. Мы воспринимаем ее (и это имеет обоснования и традиции) как НИЧТО. В процессе эволюции НИЧТО порождает вещественность и через различные уровни ее организации всевозможные формы и взаимосвязи между ними, т. е. ВСЕ. Таким образом, НИЧТО есть ВСЕ, и ВСЕ есть НИЧТО.

Способ бытия НИЧТО есть движение. Причина его — наличие в едином НИЧТО качественной тройственности: $M+, M\sim, M^*$. (Пусть НИЧТО — “материя”, тогда $M+$ — положительно-активная модификация. $M\sim$ — отрицательно-активная модификация, M^* — инертная, нейтральная

модификация.) Все эти модификации отличаются лишь наличием того или иного энергетического потенциала, или отсутствием его. Мы опускаем здесь принятую в Учении схему Универсума. Скажем лишь, что при столкновении двух потоков-полей $M+$ с двумя потоками-полями $M\sim$ получается в результате: $(M+M^*)+(M\sim M^*) + \mathcal{E}$, где \mathcal{E} — энергия. Иначе говоря, нейтральная модификация M^* , образуясь при отдаче энергии, прекращает аннигиляцию, порождая в то же время из поля вещество и антивещество (в разных зонах, т. е. мирах).

Опустим описание эволюции мира от Мирового Яйца (или Первичного Сгустка) через неживое к живому, с возникновением времени и пространства и перейдем непосредственно к законам, которые открывает нам космогония Учения.

Первый из них: "Данное состояние "Я", в данном "здесь — сейчас" непрерывно, вечно и неизменно.

Но поскольку данное состояние "Я" принадлежит только данному "здесь — сейчас", оно мгновенно".

"Я" тождественно только "Я". Но "Я" в "здесь — сейчас", как форма, существует только и единственно "здесь — сейчас". В то же время "Я" осознает себя "Я" всегда, в любом "здесь — сейчас".

Любое "Я" мгновенно и в то же самое время любое "Я" непрерывно и длительно. Можно сказать, что мое "Я" — бесконечная и неуничтожимая материя, которая, непрерывно деформируясь, сменяет множество различных форм состояний, мгновенно протекающих одна в другую. Некая "конечность" (т. е. иллюзорно-статичная форма, как мое тело, камень, планеты и т. п.) — есть просто более или менее сложный комплекс сменных состояний, форм "здесь — сейчас", выдержанных без резких изменений и различий. Затем "Я" переходит в иную конечность.

Но поскольку “будущее”, “прошлое”, “настоящее” неуничтожимы и всегда налицо, то и весь становящийся континуум в то же время есть завершенный, свершившийся. Любой элемент его закономерен, необходим и принципиально поддается расчету. Следовательно, случайности, как объективного явления, не существует. Есть лишь случайность субъективная: событие воспринимается как случайное из-за незнания породившей его причины.

После этого, крайне беглого введения в основы космогонии Учения, перейдем к следствиям из диктуемых ею законов. Хочу лишь подчеркнуть, что если мы не выводили их здесь последовательно, это отнюдь не означает, что от этого они стали менее действенны или более спорны. Теорема Пифагора остается верной независимо от того, доказал ли ее учитель ученику или просто дал готовую формулу и научил ею пользоваться. В данном случае мы

движемся вторым путем. Поэтому для читателя важнее не столько пытаться из беглого эскиза космогонии сделать далеко идущие выводы, сколько понять положения, приведенные ниже и усвоить их наиболее верно.

- IV -

Цель эволюции мира форм, частью которого мы являемся, — возвращение в безформие, в НИЧТО, достигаемое постепенным "уточнением" форм, взаимодействующих согласно жесткой и максимально экономичной схеме. Бесчисленно пройденный цикл повторяется со скупостью и сухостью химической реакции.

Из этого следует, что любая форма существует лишь постольку, поскольку она необходима эволюции. Она не может ни выбыть из мира форм до завершения своей задачи (точнее — сверхзадачи), ни остаться в нем после ее выполнения. Она не может быть иной, чем есть, и действовать иначе, чем действует. Она точно специализирована, незаменима и единственна.

Каждый из нас, как форма, полностью подлежит этому закону, и может быть воображен, как некий

биоробот, жестко запрограммированный на совершение определенного комплекса действий, включенный в назначенный момент прошлого и выключаемый в столь же четко определенный момент будущего.

Этот комплекс строго детерминированных актов и есть то, что мы называем ПУТЬ, пройдя который, человек исчерпывает себя, как форма, и завершает свое бытие в этом воплощении.

Зная или не зная о ПУТИ, сознавая это или нет, мы всегда следуем ему и не можем от него уклониться: совершением пути оправдано наше существование в мире форм. Знание о том, какое "дело" главнейшее в нашей программе и каковы действительные плоды его, нам не дано, как не можем мы и объективно оценить любое из заданных нам "дел". Подобным, главным "делом", например, может стать и бездействие ("минус-действие") в определенный миг и в определенной ситуации.

ПУТИ всех и каждого из нас (любой формы вообще) поэтому равно необходимы для эволюции мира. Мы все равны в своих путях. Великий ученый и жалкий идиот, государственный муж и пьяница, спящий в луже, и кто угоден другой — все равны и необходимо должны существовать и быть в данный момент тем, чем они являются в данный момент. ПУТЬ пьяницы и идиота не менее важен для эволюции, чем чей-либо другой.

Отсюда:

- все ПУТИ равноуважаемы;
- никто — хочет он или не хочет — не свободен поступать иначе, чем поступает;
- мы не можем поступать лучше или хуже, сделать больше или меньше чем должны;
- акт предшествует оценке, анализу или реализации.

Может казаться, что это не так. Но дело в том, что акт следует считать уже начавшимся, как только возникла необходимость в нем, возникла его причина. А этот момент чаще всего не ухватывается нашим сознанием, и наше “намерение” — лишь попытка угадать, какое именно действие мы совершим. Иногда мы угадываем это, иногда — нет, но действуем всегда.

Понуждение любой формы к действию осуществляется через создание вокруг нее определенного узла обстоятельств, в силу которых она вынуждена поступать так, а не иначе. Несвободная форма, таким образом, движима обстоятельствами, импульсами. Это качество формы, как таковой. Человек, однако, не есть лишь форма. Каждый из нас может быть изображен как некое триединство.

“Я” — физическое — собственно форма, тело со всем, что принадлежит ему непосредственно;

*Я" — личность — сознание, мышление, хронологическая память, знания и идеи, приобретенные в жизненном опыте. Это "Я" занимает руководящее положение относительно первого, и для него характерны большая изменчивость, оперативная подвижность, т. е. большая степень свободы;

"Я" — ничто — или просто НИЧТО; действующая в нас и через нас первопричина, т. е. то, что вызвало нас к жизни, как форму, заставляет нас жить и действовать, как ток проводит в движение робота. Это — сама жизнь в нас.

Первый и второй элементы триединства — модификации НЕЧТО, одна из которых придает нам форму, другая — окраску, индивидуальность. НЕЧТО и есть НИЧТО в приложении к миру форм. Это наша сущность, наше истинное "Я", поскольку остальные зависимы от него. Термин "НЕЧТО", таким образом, использован лишь для обозначения НИЧТО в данном, относящемся к

"Я" его проявлении. Обретая форму, мы как бы выкристаллизовываемся из НИЧТО, тем не менее оставаясь им. Так пар, сконденсированный в бутылке, становится водой и затем замерзает, принимая форму бутылки, но всегда остается водой. Мы возникли из пара и обратимся в пар, и были ли мы льдом, жидкостью, паром — мы всегда вода, всегда одно и то же. Как форма — мы смертны, конечны, как сущность — мы бессмертны и не ограничены ни пространством, ни временем, мы свободны.

Свобода эта не тождественна произволу. Она есть осознание своего ПУТИ, как неизбежности и необходимости, совпадения с ним, принятие на себя ответственности за него. Наш ПУТЬ есть наше дело, призвание, в конечном счете — мы сами, наша программа. Наши же действия — внешняя, доступная восприятию других ее реализация. Отсюда: свобода есть осознанная необходимость, конкретное отражение которой для каждого есть его "НЕЧТО", его истинное "Я".

Как НИЧТО я абсолютно свободен и абсолютно ответствен перед собой (не только за себя, но и за всех, за все, что происходит в мире — ибо я и есть ВСЕ!). Осознание себя НИЧЕМ равно осознанию себя ВСЕМ и требует выхода за пределы личности, отказа от нее. Иными словами, я обретаю свободу, осознавая весь мир собой и принимая на себя ответственность за его ПУТЬ. Однако я не могу при этом отказаться от своего личного ПУТИ, выйти за его колею. Если человеку несведущему такое кажется возможным, то обретение свободы исключает всяческое “если бы”, и невозможность иных наших действий становится очевидной. Речь идет о своего рода внутренней переориентировке, об ином подходе к миру и к себе.

Это переход степенью выше — от осознания себя ограниченной, временной, поработанной необходимостью формой к самоотождествлению с этой необходимостью, с беспредельным и всемогущим НИЧТО.

Именно это подразумевает “йук” в смысле “ярмо”: все мы, так или иначе, влечем на себе это ярмо, ярмо ПУТИ. Можно дергаться и рваться в нем, упрямиться и пятиться, раздирая в кровь шею и получая удары кнута, но можно и принять его как свое дело, добровольно и радостно. Тогда нам станет ясна целенаправленность и полезность нашей задачи, и мы увидим, как можно выполнить ее лучше и совершеннее. Труд наш от этого не станет легче, но он будет осмысленным, творческим. Рабский труд из-под палки превратится в творчество свободного духа, творчество художника, стремящегося наиболее совершенно реализовать свое видение, свой идеал.

Когда мы, совпадая с судьбой, освобождаемся от ее насилия, исчезает противоречие между нашими иллюзиями и реальностью, исчезают сами иллюзии. Это противоречие и есть причина наших страданий и несчастий. Из-за него мы не хотим того, что имеем и хотим того, чего иметь не

можем, но добиваемся, терпя поражение за поражением. Избавляясь от этого противоречия, мы обретаем счастье — состояние полного отсутствия страданий, ясное и мудрое внутреннее спокойствие, уверенность в себе, своей правоте, своем могуществе. Таким образом, счастье есть свобода.

Такой фатализм (не покорность судьбе, а совпадение с ней) отнюдь не ведет к пассивности. Наоборот, действие является реализацией не только личного, но и всех связанных с ним ПУТЕЙ, а через них и общего ПУТИ МИРА ФОРМ, эволюции его в НИЧТО.

Тут, пожалуй, будет уместен такой примитивный, исключительно ради наглядности, пример. Вообразим гигантский бильярдный стол, на котором находится, положим, миллиард шаров. Мы ударяем по первому и импульс удара, пройдя замысловатым путем по всем шарам, сталкивает последний в лузу. Падение его с момента нашего

удара стало необходимостью, судьбой. Нашему миру такой удар был задан изначально, и траектория каждого из “шаров”, от начала движения и до конца есть ПУТЬ. Он не может быть иным и не может не состояться. ПУТИ всех будущих, еще не возникших с нашей точки зрения форм, существуют одновременно с нами, так же реально, как наши ПУТИ. Однако, чтобы ПУТЬ свершился, шар должен перейти из пассивного состояния в активное, должен двигаться, действовать. Допустим теперь, что некий шар способен чувствовать и оценивать свое положение. И, если он осужден катиться прямо, а ему “хочется” вправо или влево и он думает, что он способен выбирать и планировать, — он будет чувствовать себя несчастным. Но стоит ему понять, что побудило его двигаться и почему его траектория такова, понять конечную цель такого своего движения, он обретает смысл своего бытия в движении, своего ПУТИ, и, лишенный иллюзий, станет счастливым в том смысле, как это понимают Путники.

- V -

Теперь мне хотелось бы сделать несколько дополнений, чтобы пояснить некоторые существенные моменты Учения. И здесь, как кажется, нам придется заставить свое воображение действовать особенно интенсивно.

Прежде всего о том, на чем основана большая часть так называемых “магических” актов. Как может легко понять тот, кто верно воспринял сущность господствующих в Универсуме закономерностей, в истинном, т. е. реальном, не измышленном нами мире, не существует ничего, стоящего в “стороне”, “само по себе”, все в нем взаимосвязано, все зависит от всего. Каждый из нас, каждая форма, какой бы и где бы она ни была, является как бы узелком единой гигантской паутины, к которому сходится множество различнейших нитей. Некоторые из них обнаружить легко, иные с трудом, третьи для человека заурядного вообще скрыты, недоступны

восприятию его уровня. Это отнюдь не значит, что таких связей нет.

Собака видит мир черно-белым, но это не доказательство того, что в нем отсутствует цвет. Дельфин слышит ультразвуки, недоступные нам, а змея видит лишь движущиеся объекты, и замершая перед ней лягушка как бы попадает для нее в другое измерение. Далее, подобно тому, как я в любой момент нахожусь в некоем взаимоотношении с окружающими меня в этой комнате предметами, я взаимосвязан и со всеми формами, находящимися в любой точке этого города, планеты, космоса. Универсума.

Былинка, растущая на экваторе где-то в Африке, так же зависит от меня, как и я от нее. Если взаимоотношения между нами меняются (я приближаюсь к ней, или удаляюсь от нее, ее съедает какое-либо животное и т. п.) меняются и какие-то иные взаимосвязи в этой густой паутине. Такое изменение, в свою очередь, вызывает и

другие изменения, пока где-то, как следствие их, не возникнет некая причина, порождающая определенный акт, с изначальным толчком внешне не связанный, но вызванный им закономерно.

Прекрасно иллюстрирует такую цепочку взаимосвязей английский народный стишок: “Не было гвоздя — подкова пропала, не было подковы — лошадь захромала, лошадь захромала — командир убит, конница разбита — армия бежит. Враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя!”

Однако, поскольку существует закономерность в причинах и следствиях, то, по-видимому, можно каким-то образом определив ее, воздействовать на предметы или вещи, доступные нам “здесь”, чтобы вызвать некий желаемый результат “там”. Нужно только знать эту скрытую цепь взаимосвязей и знать, на какое ее звено и как нужно воздействовать. Для человека несведущего

это может показаться нелепым: какая связь, например, между приложением руки ко лбу и нормализацией работы печени или костного мозга берцовых костей; или между пассажами над фотографией и здоровьем изображенного на ней человека? Но с тем же успехом можно спросить, какая связь между таблетками, которые мы глотаем, и головной болью, которая после этого проходит? Попросту и тут и там мы воздействуем чем-то на что-то, но в последнем случае такое воздействие привычнее, и мы, как правило, даже не задумываемся над ним.

Выражение “человек несведущий”, часто здесь используемое, означает только человека, незнакомого с Учением или его ответвлениями, а не, как может показаться, некоего “невежду”, “серого”, “необразованного”. На самом деле против вышеприведенного тезиса выступают чаще всего как раз люди весьма образованные, с учеными титулами, нередко считающие себя специалистами в области физики, философии,

психологии и т. д. За примерами ходить недалеко. И что самое забавное, люди эти, полагающие себя современными учеными, не замечают, что в данном случае категорически отвергают теорию относительности, не говоря уже о том, что они вступают в противоречие с диалектикой, хотя сами себя считают диалектиками.

Из сказанного можно вывести следующее: все, что мы видим вокруг, весь мир форм, есть лишь внешнее проявление реального, т. е. взятого целиком, мира. Мы наблюдаем как бы лицевую сторону огромного, в прихотливых узорах ковра, изнанка которого от нас скрыта. Мы можем изучить эти узоры, вычислить их элементы, рассчитать цветовую гамму, даже предугадать появление тех или иных элементов узора, но внутренние взаимосвязи между ними для нашего интеллекта так и останутся недоступными, мы можем лишь строить предположения на их счет. Это не значит, что они непознаваемы, вернее

сказать, что наш интеллект, являющийся инструментом “Я — личности”, по природе своей и, в силу поставленных перед ним задач, обращенный вовне, т. е., имеющий возможность видеть лишь лицевую сторону ковра, не способен познать их.

Тут дело обстоит так же, как если бы мы с помощью колоссального телескопа пытались исследовать микромир, или с помощью мощного микроскопа звездные миры. И тот и другой — оптические приборы, и там и тут — многократное увеличение, казалось бы, их можно использовать сходным образом, и, вероятно, какой-нибудь гениальный изобретатель сумел бы решить такую задачу... Но зачем? Ведь у нас есть возможность познать изнанку “ковра”, познать форму и явления этого мира изнутри, хотя и пользуемся мы ею крайне редко. Я говорю об интуиции.

Именно она и есть инструмент, помогающий нам выявить скрытую цепь взаимосвязей, о которой я

говорил. Впрочем, скорее это не инструмент, а свойство, способность, качество, хотя это и не совсем точно. Думаю, стоит здесь сделать несколько замечаний об интуиции.

Во-первых, это не разум, но нечто качественно иное. Разум, как правило, личен, интуиция безлична. Нельзя говорить о моей, вашей, их интуиции, как нельзя говорить о моем или вашем инстинкте. Она не принадлежит никому и принадлежит всем и всему одновременно. Иными словами, она всеобща, всеохватна. Интеллект может быть выше или ниже. Интуицией мы все в равной мере наделены изначально. Разумеется, я имею в виду потенциальную сторону. Разница в том, что интеллект потенциально высокий, но слабо развитый, может быть с помощью образования поднят до наивысшей своей черты, высшего предела, но перешагнуть его не сможет. Говорить о “развитии” интуиции было нелепо. Мы в состоянии лишь развивать и усиливать свою способность пользоваться ею. И вот эту-то

способность мы можем развивать практически беспредельно, причем уровень образования и уровень интеллекта решающей роли тут не играют.

Далее, интуиция внесловесна, она адресуется к нашим чувствам, ощущениям, воображению. Образно говоря, решая некоторую задачу, интеллект пропускает ее “дано” через аппарат мышления, программируя его на “требуется доказать”, и получает после ряда логико-математических, поддающихся вычленению операций, соответствующий вывод. Интуиция дает нам сам ответ, в готовом виде. Причем ответ этот будет абсолютно верен, однако, обоснование его: “я чувствую, что это так”, “я знаю, что это так”, “я верю в это”, — для многих звучит вопиюще неубедительно. Но дело в том, что такой, интуитивно полученный ответ в подавляющем большинстве случаев логически недоказуем, для этого нет достаточных данных. Интеллект в своей деятельности движется

последовательно, как пешеход, который, чтобы попасть с одной вершины на другую, должен сперва спуститься извилистой тропой в долину, перейти по мосту реку и затем начать восхождение, пока не доберется до цели. Интуиция движется здесь птичьим путем, по прямой.

“Но что же такое она сама?” — спросят меня. Пожалуй, точнее всего будет охарактеризовать ее как обращение вовнутрь, к своей сущности, к НИЧТО. Это НИЧТО есть ВСЕ и, следовательно, в нем содержатся все знания Универсума. Оно просто знает, не нуждаясь в доказательствах. Но все мы по сути своей НИЧТО и, таким образом, все эти знания заключены в каждом из нас, интуиция же лишь запрос, направленный в это хранилище знаний. И, развивая в себе способность к интуитивному познанию, мы фактически учимся посылать подобные запросы. Либо мы это не умеем — и не получим никакого ответа, либо умеем — и получаем, как было

сказано, абсолютно верный и точный ответ. Но вот беда: его нужно облечь в словесные одежды, сделать передаваемым. И, пропущенный через аппарат мышления, как сквозь мясорубку, ответ этот становится искаженным, неверным, в лучшем случае частично правильным: ошибочна интерпретация, но в ошибке винят интуицию. Ясное дело, вопрос этот куда более сложен, чем сказано в этом кратком наброске, но подробный разбор его не входит в нашу задачу.

- VI -

Как уже было сказано, счастье есть свобода, т. е. примирение человека со своим действительным бытием, постижение своей сущности и смысла своего ПУТИ. Эта сущность и есть то, что мы называем ИСТИНОЙ. Передать ее словами письменно или устно невозможно. Поэтому никто не может научить тебя ИСТИНЕ, сообщить ее тебе. Все выраженное словами скользит по поверхности вещей, отражает лишь внешнюю сторону их и потому ложно. ИСТИНУ можно постичь, ухватить, прочувствовать только через самого себя, никак иначе. Самый мудрый учитель, гуру, самая глубокая книга могут дать лишь метод, ключ к ИСТИНЕ, указать тропку к ней, но идти по ней ты должен сам. И неизвестно, твоя ли это тропа, и сумеешь ли ты воспользоваться именно этим ключом. Потому ко всем наставлениям можно, но не обязательно прислушиваться, ловя в них то, что созвучно тебе.

Изучать и зубрить эти наставления, забивать себе ими голову не следует ни в коем случае. Надо мыслить и учиться мыслить самостоятельно, свободно и естественно. И, в первую очередь, не надо бояться этого. Не надо бояться вообще ничего.

Глупо и смешно ограничивать себя во всем, обкрадывать себя, приносить что-то в жертву ради надежд (= иллюзий) на счастье в будущем. Надо жить настоящим, принимая от жизни все, что она может дать и дает ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. ИСТИНА и счастье — вокруг, всегда и во всем. Нужно искать их и найти самому, ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, во всем, что тебя окружает, и в первую очередь в самом себе. Кто не видит ИСТИНЫ в себе, в окружающих людях, вещах, явлениях, не найдет ее нигде. Кто не стремится ощутить ИСТИНУ сегодня, не найдет ее и в будущем, сколько бы наук он ни одолел. Нужно уметь и учиться жить: познавать жизнь, понимать и

принимать ее во всем ее многообразии, богатстве, красоте.

Великий Неизвестный произнес фразу, которая стала своеобразным девизом Путников: “Человек человеку—радость!” Несведущие могут понять ее так, что человек должен делать другим только радость, должен делать добро... Получится церковно-христианская (фарисейская) проповедь: Люби ближнего, как самого себя”. Принципиально в этих словах заключен один смысл, толкованием же извращен дух, а не буква Учения. Что человек делает, не зависит от его хотений и стремлений, и любое его действие одновременно есть добро и зло. Афоризм не предписывает поступать каким-то образом, он утверждает факт, который наличествует, он учит видеть эту радость в любом контакте человека с человеком, какого бы рода ни был этот контакт: дружба, любовь, случайная встреча, беседа, вражда, схватка и т. д. Для Путника человек есть радость во всем своем проявлении и, даже если он

враг, его следует любить, именно за то, что он есть и таким, каков он есть. Это активное восприятие жизни, незамутненное никакими иллюзиями. Так губка впитывает воду всеми порами и океан приемлет все, что в него бросают, будь то отбросы или сокровища.

Поскольку ИСТИНА непередаваема и никто не может научить тебя ей — “не сотвори себе кумира!” Свергай любых идолов, не принимай слепо на веру никаких канонов и авторитетов. Наивысший авторитет заключен и молчит в тебе самом. Заставь себя слушать его и не мешай ему говорить. Китайский учитель дзен монах И-сюнь так выразил эту мысль: “Убивайте всех, кто встанет на вашем ПУТИ. Если встретите Будду — убейте Будду. Если встретите патриархов — убейте патриархов. Если на вашем ПУТИ встанут архаты — убейте их тоже!”

С такой точки зрения познание ИСТИНЫ равно познанию самого себя. Человек не противостоит

Универсуму, природе, он находится в ней, и даже не как ее часть: он попросту есть она, “это — то”. Кстати, именно так звучит одна из главнейших формул йоги: “Тат твам таси” — “То есть ты”. Тут созерцаемый и созерцающий слиты воедино, нерасчленимы.

Чувствовать боль и говорить о боли — не сопоставимые вещи. Мои слова есть сообщение, есть нечто “между” и, следовательно, не истина, не боль. Как бы мы ни пытались объяснить ИСТИНУ словами, мы всегда будем вертеться вокруг да около нее, то приближаясь, то удаляясь. Единственный способ передать ее как она есть — несообщение, а со-чувствование, т. е. то, что мы называем интуицией.

Практически сущность всех бесчисленных методов постижения ИСТИНЫ и заключена в пробуждении, постепенном или внезапном, этой интуицией, и в коренной перестройке всего сознания, необходимой для полного овладения

ею, в перемене жизненной позиции мировосприятия.

Вначале мы уже упоминали о богатстве методических разработок, выполненных различными ответвлениями и школами Учения. Попытаемся теперь хотя бы бегло охарактеризовать наиболее распространенные из них.

- VII -

Согласно дзен, ИСТИНУ можно постичь через самоуглубление, через отрешение время от времени от внешней “суеты сует”, и сосредоточении на некоторой определенной точке, вещи, идее и т. п. Тогда приходит “сатори” — “озарение”, новый взгляд на жизнь, на свое место в ней, новое отношение к действительности.

“Это нечто такое, что не может быть понято разумом, объяснено или описано словами. Никто из тех, кто не достиг сатори, не может знать, что это такое. Но и тот, кто достиг его, не может рассказать о нем людям. Достигнув сатори, человек обретает нирвану, но не где-то в чистой стране, а в нынешней жизни. Окружающие могут думать, что он по-прежнему погрязает в суете жизни, но в действительности это уже совершенно новый, просветленный человек...

Такой человек постиг счастье, он — татсата. Это — умение видеть вещи такими, какие они есть.

“Я вижу дерево и я говорю: это дерево. Я слышу, как поет птица и говорю, что птица поет. Лопата — это лопата, и гора — это гора. Птицы летают по воздуху, а цветы цветут в полях” — вот утверждение татсаты. Когда его спросили, что такое ежедневная мысль, хоин, он ответил: “Я сплю, когда устану, я ем, когда голоден”. Эта ежедневная мысль является конечным дао, высшим учением буддизма” (Судзуки).

Сатори доступно каждому. Само по себе оно — акт внезапный. Еще вчера или минуту назад ты мучительно размышлял, терзался, стремился постичь невозможное, и вдруг... на тебя нашло нечто и ты сразу все постиг. Толчком к сатори может быть любое сильное переживание, потрясение, впечатление. Но, чтобы это случилось, нужна определенная психическая подготовка, тренировка.

Школа СОТО в качестве такой тренировки призывает дза-дзен медитацию. Здесь главное — уметь принять идеально спокойное положение тела, отрегулировать дыхание, приучить себя абсолютно отрешиться от всех мыслей или сосредоточиться на какой-то одной из них.

Школа РИНДЗАИ держится практики коан — вопроса или притчи, смысл которых непостижим с помощью логики, но направлен на пробуждение интуиции. Над коаном не размышляют, настоящий ответ на него может быть лишь прочувствован, постигнут через ощущение, но не выражен словами.

Вот несколько коанов:

— “Что заставляет тебя отвечать, когда тебя спрашивают?”

— “Когда твоё тело сожгут, а пепел развеют по ветру, где ты будешь?”

— “Каково было лицо у тебя до того, как родители произвели тебя на свет?”

— “Собака — это Будда?”

— “Хлопок двух ладоней — звук, а что такое звук одной ладони?”

Сатори может быть достигнуто и в процессе труда, если человек стремится довести своё дело до художественного совершенства. Оно рождается также и от углубленного созерцания красоты. Иными словами, оно может прийти к человеку в любое время, в любом состоянии. Каждый волен выбирать метод, который ближе его натуре.

“Я не люблю сидеть, как индийский монах, неподвижно, и сосредотачивать мысли в глубине живота. Я достигаю духовных вершин, стреляя из лука.

Утром, еще в тумане, когда лишь рассвело, я иду по росе разноцветных мхов, окружающих мой храм, к тому камню, где укреплен треугольник моей мишени. Я беру с собой только одну стрелу. Я беру только одну, потому что должен в одной сосредоточить весь свой опыт стрелка из лука, всю свою мужскую силу, всю глубину своей мысли. Моя воля переходит на кончик стрелы. Я знаю, что у меня только одна стрела, и, значит, она должна попасть в цель. Я сосредотачиваю все на кончике стрелы и бросаю ее в цель. И когда стрела, дрожа, впиивается в треугольник, я думаю, что поднялся еще на одну ступень по пути самоусовершенствования”.

Это — путь действия, и это — главный путь. На этом пути мы преодолеваем главного врага в нас — у-шин. Это не бог и не дух, это наш мозг.

Вот Каннон-Бутсу, у нее 1000 рук, и в одной из них лук. Что случилось бы, если бы Каннон задумалась, как ей действовать луком? Все

остальные 999 рук оставались бы без движения или начали действовать вразброд. Поэтому она не размышляет. Она не позволяет мозгу остановиться на чем-то и на минуту. Она поборола в себе интеллект, рассеяла мышление по всему телу. Она победила у-шин и добилась состояния, которое мы зовем му-шин, - состояние безмыслия. Горе тому воину, который не одержал победы над интеллектом! Искусство владения мечом это, прежде всего, искусство освобождения от интеллекта.

Дзен есть освобождение от интеллекта. Тигр перед прыжком не раздумывает, как ему выпнуть хвост и какую силу придать задним ногам. Он прыгает! И прыжок его — само совершенство! Прийти к сознанию тигра, прийти к сознанию птицы! Воин, поэт и художник не рассуждают. Они рисуют, дерутся или слагают стихи. Таков был великий мастер меча Миямото, таким должен быть самурай!

“Но ведь мозг мыслит! Он не может не мыслить! Он хочет знать!

В этом ваша слабость и ваш грех. Вы накапливаете знания, как деньги, и поклоняетесь ему, как скряга золоту. Но скряга умирает от голода на своем сундуке. Если меч уже пронзил вашу одежду, будете ли вы искать среди своих знаний такое, что остановит меч? Нет! Вы отпрянете назад и этим спасете свою жизнь. Это и есть дзен!

Я нападаю на вас! Вы европеец, вы размышляете, вы направляете свою мысль на мое движение, и ваша мысль застывает на нем, вы беспомощны. Вы останавливаете свое внимание на конце моей шпаги и ваша мысль останавливается на ней, вы неподвижны. Вы думаете о том, что должны победить меня и в этот момент я поражаю вас в сердце...

Вы видите эту чашку? Художник постарается сделать с нее рисунок, который был бы наиболее

похож, ученый определит ее вес, объем, плотность... человек дзен выпьет из нее воду. Вот что такое дзен!” (Судзуки).

А вот как описывает сатори известный современный учитель дзен Сасаки-сан: “Однажды я стер из головы все понятия, отбросил все желания, слова, которыми мыслил, и остался в покое. Я чувствовал легкое головокружение, как будто меня втаскивают куда-то... Вдруг — бац! Я вошел... Я потерял границы своего физического тела. Конечно, у меня была кожа, но я чувствовал, что стою в центре Космоса. Я говорил, но мои слова потеряли свое значение. Я видел людей, которые подходили ко мне, но все они были одним и тем же человеком. Все были мной! Я никогда не знал этого мира. Я думал, что меня создали, но теперь приходится изменять это мнение — я никогда не был создан! Я был космос, никакого индивидуального господина Сасаки не было”.

Пытаясь ответить на вопрос, что такое дзен, великолепный знаток предмета Аллан Б. Уоттс пишет: “Это не религия и не философия. Это не психология и не род знания. Это пример чего-то, что в Индии и Китае известно как путь к освобождению и напоминает в этом смысле даосизм. Веданту, йогу. Путь к освобождению не может иметь позитивного определения. На него намекают, указывая, чем он не является. Это несколько схоже с тем, как если бы скульптор вскрывал некую форму, убирая куски камня из глыбы”.

Слова эти в полной мере приложимы и к Учению, хотя и не охватывают всех его аспектов.

Символом дзен в Японии является дарума — “ванька-встанька”, изображающий индийского монаха и первого патриарха дзен Бодхидхарму (по-японски “Дарума”). Традиция рисует его как человека с дикой бородой, пронизательными глазами и суровым лицом. Он так долго сидел в

медитации под деревом боддхи, что у него отнялись ноги. Этим и объясняется форма дарумы. Но кукла эта имеет и иной символический смысл: способность ее всегда подниматься после падения как бы намекает на подъем после каждой неудачи. Песенка о даруме говорит:

“Джинсей — ва нана — короби, йа-оки”, что значит: “Жизнь человеческая — семь раз упадешь, восемь встанешь”.

О Бодхидхарме рассказывают еще две легенды. Согласно одной из них, однажды он заснул во время медитации. Проснувшись, он в гневе отрезал себе веки и швырнул их наземь. Из них и вырос первый куст чая. С этого времени монахи пьют чай, который отгоняет сон и взбадривает их.

По другой легенде император Лян У-ди, который был учеником Бодхидхармы и усердно помогал распространению дзен в Китае, как-то спросил у

патриарха, что он заслужил своими делами в будущих жизнях?

— Ровно ничего, — ответил тот.

— Каков же в таком случае основной принцип святого Учения?

— Да оно пусто, в нем нет ничего святого!

— Кто же тогда ты, что стоишь перед нами?

— Я не знаю, — сказал Бодхидхарма.

Учителя дзен часто используют остроты, парадоксы, из которых необходимо добыть истину, но могут выражаться грубо и вульгарно, а то и треснуть ученика палкой. Если в дзенских монастырях господствует суровая дисциплина, то для учеников извне она не нужна. Можно жить нормальной жизнью, заниматься обычными

делами, вести семейную жизнь и получить сатори.

В Японии нет такой отрасли искусства, культуры, на которую бы дзен не оказал влияния. Это видно в архитектуре, скульптуре, живописи, поэзии, садоводстве, спорте, ремеслах, торговле.

“Если сидишь — сиди. Если идешь — иди. Главное — не мельтешишь попусту,” — сказал один из учителей дзен и заключил в этом все.

Дзен не допускает никаких задних мыслей, фальши и иллюзий. Кто поступает согласно дзен, поступает естественно, без внутренних противоречий. Когда Банкей-сан умер, один слепой сказал: “Я не могу видеть лица человека, но могу определить его характер по голосу. Обычно, если кто-то приносит поздравления, я слышу скрытую зависть. Если кто-то соболезнает, я часто слышу удовлетворение в его голосе. Но во время всех моих бесед с Банкеем его голос всегда

был честным. Если он выражал радость, я слышал радость. Если говорил о печали, его голос звучал печально”.

Когда-то в Токио жили два учителя дзен. Учитель Унсе поступал всегда в согласии с тем, чему учил, был строг к себе, не имел никаких страстей и слабостей. Танзан был его полной противоположностью. Он ел, когда был голоден, если был сонным, то спал даже днем, и не сторонился сакэ, если у него была охота выпить. Однажды Унсе пришел к Танзану, который как раз потягивал из бутылки.

— Как дела, брат?— весело крикнул Танзан,— Выпьешь со мной?

— Я никогда не пью,— ответил Унсе.

— Человек, который не пьет, нечеловечен,— высказал мысль Танзан.

— Ты смеешь называть меня нечеловечным лишь потому, что я не предаюсь порокам?!— рассердился Унсе. — Если я не человек, то кто же я?

— Будда,— отвечал Танзан, покатываясь со смеху.

Он был великим человеком и поступал согласно со своей природой. Он достиг такого совершенства, что предсказал даже свою смерть. В последний день он написал 60 открыток друзьям: “Я ухожу из этого мира. Это мое последнее сообщение. Танзан. 27 августа 1892 года.” Он велел слуге отнести открытки на почту, после чего спокойно умер.

Человек, поступающий в согласии с дзен (равносильно со своей природой), не боится смерти. Монахиня Эшун, чувствуя, что ее конец близок, велела соорудить во дворе костер, поднялась на него и подожгла. Когда огонь запылал, какой-то монах крикнул: “Преподобная!

Там, должно быть, ужасно жарко!" Эшун высунулась из костра и презрительно бросила: "Подобные вещи могут занимать лишь таких дураков, как ты!" После чего умерла в пламени.

Однажды, когда учитель дзен КОДЖУН читал сутру, вошел бандит с ножом и потребовал денег.

"Не мешай! - прикрикнул на него Коджун. - Деньги в том ящике." И продолжал читать. Через минуту он приостановился и крикнул бандиту: "И не бери всего, завтра я должен платить налоги".

Бандит взял большую часть денег, но немного оставил. Когда он уходил, Коджун остановил его: "Если тебе сделали подарок, за него следует благодарить!"

Совершенно растерянный бандит пробормотал благодарность и убежал. Через пару дней его

схватили и он признался в ограблении Коджуна. Тот, вызванный как свидетель, заявил:

"Этот человек не вор. Во всяком случае я ничего об этом не знаю. Я дал ему денег и он меня за это поблагодарил".

Бандита все же посадили в тюрьму, но выйдя из нее, он стал учеником Коджуна.

Не существует монолитного типа дзенского мудреца уже потому, что дзен не создает искусственного идеала человека, но стремится выявить то, что дано ему самой природой. Именно поэтому многие известные учителя дзен И их методы бывают полярно различны.

Как-то к монаху Джошу, о котором рассказывают, что изучать дзен он начал в 60 лет, сатори получил в 80, и затем учил до 120 лет, пришел ученик с вопросом:

— Если я добьюсь пустоты в своем уме, что делать потом?

— Выбрось ее, — посоветовал Джошу.

— Как я могу выбросить то, чего нет? — настаивал ученик.

— Если не можешь, носи ее собой, — ответил учитель.

Разные характеры, разные методы обучения присущи разным учителям. Но общая их черта — отрыв от несущественного, от различий.

В один из дней префект Киото пришел к известному учителю Кейху. Через слугу он передал карточку, на которой значилось: “Китагаки, префект Киото”. Кэйху взглянул на карточку и сказал: “У меня нет дел к префекту. Пусть убирается”.

Слуга вернул визитку и повторил слова Кэйху.

“Я ошибся, — сказал Китагаки и вычеркнул слова “префект Киото”. — Отнеси это учителю еще раз”.

На этот раз Кэйху воскликнул: “Китагаки? Я очень рад! Я давно хочу видеть этого парня!”

Известного поэта и каллиграфа Рекана (1758—1831) считали иногда безобидным сумасшедшим, не понимая, что он вел себя естественно и был наивен, как ребенок. Жил он в полуразвалившейся хижине в лесу, иногда занимался медитацией, иногда бродил без цели и писал стихи, где естественно выражал наиболее человеческие переживания: радость, печаль, одиночество, жалость. Как-то в его отсутствие вор забрался в его хижину, но ничего не нашел и уходил с пустыми руками. Как раз подошел Рекан и сказал: “Бедняга, ты, верно, пришел издалека. Вот подарок от меня.” Вор был так циничен, что

принял убогую одежду и ушел. Рекан, сидя обнаженным, смотрел на луну и думал: “Бедный человек! Жаль, что я не могу предложить ему эту луну!”

Музей Рекана находится в его родной деревне Идзумодзаки, в префектуре Ниигата. Там хранится много свитков с его удивительной каллиграфией, которой восхищаются японцы, называя ее "детской".

Заклячая этот беглый обзор дзен, мне хотелось бы привести здесь четверостишие, как бы суммирующее его принципы: “Постороннее учение, не связанное с традицией, не опирающееся ни на слова, ни на буквы. Прямо тянуть ум человека в постижении своей природы. И вызвать состояние Будды”.

- VIII -

Говорить кратко и однозначно о ЙОГЕ чрезвычайно трудно. Видимо, наиболее разумным будет рассматривать здесь йогу в том смысле, в котором мы пока ее не упоминали — в смысле метода. На западе о йоге говорят много и охотно и, что самое забавное, почти каждый считает себя если не сведущим в йоге, то, во всяком случае, ясно представляющим что это такое. Подобных “знатоков”, однако, легко сбить с толку простым вопросом: “О какой йоге вы говорите?” Фактически европейцам известна лишь Хатха-йога, реже — Раджа-йога, еще реже — Карма-йога, Бхакти-йога, Джана-йога, Агни-йога и др. А в их рамках сотни школ и сект, как верующих в бога (астика), так и неверующих (настика). И каждый из них держится своего метода, своей йоги. Думается, экскурс, который я хочу предложить в сферу различий между этими

йогами, будет поучительным и поумерит пыл болтливых невежд.

Йогины или йога представляют себе, как правило, аскетом в набедренной повязке, питающимся исключительно вегетарианской пищей, не пьющим, не курящим, не имеющим дела с женщинами и почти постоянно занятым медитацией в позе лотоса.

Да, некоторые йоги носят набедренные повязки, другие обходятся и без них, третьи — сплошь укутаны одеждами, четвертые носят европейские костюмы. Йог может (но не обязан) жить милостыней, может (но не обязан) избегать женщин, может жениться и иметь семью или свободную связь с женщиной, которая этого пожелает.

Что касается пищи — этот ест в домах брахманов или членов высоких каст, тот — у кого вздумается. Один ест в уединении, другой — среди своих,

третьему не мешает и людная улица. Один ест лишь плоды и пьет только воду, отказывая себе в яйцах, рыбе, молоке. Другой ест даже человечину на местах сожжения трупов и на кладбищах. Тот — трезвенник, этот не прочь хлебнуть хмельного, иной не отказывает себе и в наркотиках.

Живут йоги и вдали от людей, и в городах. Живут поодиночке и в общинах — ашрамах, или в обычных домах и квартирах. Различны они и по степени миролюбия. Большинство их них, пацифисты. Но, например, садджики (от “саджайя” — тетива) никогда не расстаются с оружием и открыто проповедуют насилие. Воинственны секты бхайрагьев, дадупантхьев. Особой кровожадностью прославились чаги, которые приносили богине Бхавани задушенные жертвы. Подобны им были пиндары, совмещавшие набожность с грабежом и употреблением наркотиков.

Раз уж речь зашла о “мрачных” сектах, познакомимся с ними поближе.

Секты шававадинов придерживаются медитации на трупах и вещах, подверженных гниению и тлению. Они отрицают Веды, презирают касты, высмеивают конвенции и ортодоксов-брахманов. Едят мясо всех сортов, вареное и сырое, предпочитая гниющее, некоторые — человечину, особенно мозг, легкие, печень. До недавнего времени они выкапывали свежепогребенные трупы и ели их внутренности. Пьют же не только фруктовые соки и вино, но кровь и мочу. Как наивысшую жертву — “махапрасада” едят и кал. Любят жить на кладбищах и на местах сожжения трупов, где для себя сооружают храмики. С удовольствием ложатся рядом с трупом, а если это женщина, совершают с ней половой акт, уверенные, что это увеличит их жизненные силы. Остаются возле мертвеца, пока он не начнет разлагаться, иногда ложатся на очаг, где минуту назад лежал труп, чтобы представить себе

собственную смерть и прочувствовать ее. Ныне они представлены очень редко.

Самой дурной славой пользуются капалики (от капала — череп, которым они пользуются для еды и питья). Они ходят обнаженными, посыпая тело пеплом сожженных трупов. Носят длинные волосы и шапочку, в руке трезубец или меч. Не моются, чтобы не смыть ауру. Пьют алкоголь и разные смеси телесных выделений и отходов, иногда кровь, которая течет из их тел при обрядовом самоистязании.

К изуверским сектам принадлежат агхории. Это каннибалы, которые едят любое мясо, исключая конину. Практикуют предсказания по плоду, вынутому из чрева матери. Приносят в жертву добровольцев, убивая их кинжалом в затылок, кровь их выпивают, а мясо съедают.

Приверженцы секты сепалов поедают шакалов, скорпионов и змей. Гордятся своей нечувствительностью к их яду. К сепалам относятся большинство индийских укротителей змей.

Вирашайвы, члены особой, хотя и близкой к шавадинам секты, в отличие от последних, держатся сурового аскетизма, не едят мяса, не пьют, не курят, не употребляют наркотиков, презируют колдовство и живут в ашрамах. Мертвых сжигают.

Прямыми потомками первых магов, пришедших в Индию еще задолго до арьев через Эпам и древнюю цивилизацию на реке Инд, считают себя сурьи или шаурьи (от Сурья, Шаура — Солнце). Предки их постепенно продвигались внутрь полуострова, пока не достигли нынешнего штата Бихар, южная область которого, Магадха, приняла от них свое имя. По преданию они были великолепными медиками, астрологами.

Прославились как чародеи, а также как скульпторы и архитекторы. По всей Индии до сих пор можно видеть возведенные ими в честь Солнца и украшенные многочисленными статуями храмы (Черная Пагода в Конараке и др.) Первые маги принесли в Индию почитание Солнца, воплощающего в себе животворную энергию Космоса, почитание Богини-Матери (Великой Матери), культ змей и целый ряд символов, в том числе и символ круга — чакрас, и, как было уже сказано, основы Учения (мага-философию).

Нанешние шаурьи суровы и, в первую очередь, к себе. После захода и до восхода Солнца они не едят. В воскресенье, день, посвященный Солнцу, шаурьи не едят соли, а в некоторых районах Бенгалии даже мяса и рыбы.

Восприимчивыми и интерпретаторами отдельных аспектов Учения стали прежде других натхи, адживики, шакти и тантрики. О двух последних

ответвлениях надо говорить отдельно, поскольку они близки между собой, а тантра, хотя и родственна йоге, обычно к ней не относится.

Натхи в своих практиках делают упор на культуру тела, стремясь привести его к совершенству и таким образом достичь бессмертия в “тонком” теле. Приемы их близки Хатха-йоге, но они употребляют алкоголь, табак и наркотики. Большое значение они придают различным лечебным приемам, перенятым у магов, и во многих случаях действительно развили их до чрезвычайно высокого уровня воздействия. О них говорят, что они способны заживлять раны, властвуют над дыханием и другими функциями тела, способны жить без пищи, восставать из мертвых и воскрешать других, возноситься над землей, принимать любое обличье, укрощать змей, скорпионов, тигров и других животных. Они вызывают дожди и засуху, обладают ясновидением, могут посещать небо и подземное царство и т. д.

Адживика — тот, кто посвятил свою жизнь исполнению определенных обетов, кто буквально живет ими. В руке у него обычно посох, данда, потому его зовут еще и дандин (носящий посох). Этот посох, как и доктрина нийати — основы проповеди адживиков, стали причиной того, что их, особенно в Индии, часто отождествляют с Путниками. Неправомерность этого, надеюсь, станет ясна из нижесказанного. Адживики учат, что бытие человека неизбежно состоит из шести элементов: приобретения и потери, радости и печали, жизни и смерти. Все наши действия обуславливает нийати — судьба, т. е. Путь. Поэтому все человеческие усилия в этой жизни тщетны и следует направлять их на приобретение высших способностей. Самый верный путь к этому — выполнение какого-нибудь обета.

Как правило, адживик ходит полунагим, милостыню собирает не в миску, а прямо в ладонь. Один собирает в каждом доме, другой — в каждом третьем, третий — в каждом пятом и т.

п. По своему желанию они могут пить воду и вино, а по обету, например, только коровью мочу. Ритуалы адживиков часто требовали музыки и танцев. Поэтому многие из них посвящали себя этому искусству, и с течением веков превратились в особые касты бродячих бардов, певцов, музыкантов, странствующих в сопровождении проституток, в общении с которыми они, однако, видели не просто наслаждение, а способ развития тех же высших способностей.

Посвящение в адживики было своеобразным. Посвящаемый стоял по шею в яме, а члены секты, сидя на перекладинах, выщипывали ему по одному волосы. Испытуемый должен был удержать в руке раскаленный металл или камень, иногда переломить себе кость или отсечь мышцу. Аскезу адживики доводили до крайней степени. Например, сидели на бобе по несколько недель, заключали себя в глиняные сосуды, лежали на доске, утыканной гвоздями, висели на деревьях, как летучие мыши и т. д. Жизнь их редко

кончалась естественной смертью. Они гибли от голода, истощения, тонули, умирали в гробу.

Крупнейшим из этих настиков (атеистов) был мудрец Гопала Маскарипутра (умер ок. 484 г. до н. э.) О нем рассказывают, что путем суровой аскезы, при которой он отказался даже от речи, он приобрел такую силу, что мог своим проклятьем обратить в пепел целую деревню, мог полгода смотреть на Солнце, заложив руки за голову и питаясь горсткой фасоли каждый третий день. Час его пробил, когда он решил проклятиями уничтожить основателя джайнизма Джайну Махавиру, с которым был в ссоре. Проклятья его были столь мощными, что могли бы опустошить 15 больших округов, но силой Джайны они обратились в бумеранг, и через неделю, как предрек Джайна, они поразили самого Гопалу. Он впал в безумие и в предсказанную Джайной ночь умер.

- IX -

Воззрения шактов и тантриков, как уже говорилось, имеют немало общего. Прежде всего они едины в том, что объектом почитания считают шакти — энергию, а из божественной пары — женский принцип, богиню. Уже в порядке имен имя богини стоит на первом месте: Радха-Кришна, Гаури-Шанкара, Сита-Рама, Ума-Махеша, Лакшми-Нарайян, Шакти-Шива.

Женщины, как и богини, различны, поэтому различны и секты. Можно почитать женщин за их телесные достоинства, духовные и материнские качества, за женскую нежность и преданность своему мужу-богу и т. п. И у шактов и у тантриков ритуальную роль играет соединение мужского начала с женским, половой акт. Но прежде чем понять суть этого ритуала, вкратце ознакомимся с принятыми в йога-системах и у магов пониманием физиологии.

Обращенное в себя “я” открывает такие потрясающие возможности и способности, такое всемогущество, что человеку несведущему трудно даже вообразить. Тот, кто достиг этой стадии развития, по словам Вивекананды, “может сдвинуть солнце и звезды с их мест, управлять всем во Вселенной, от атомов до огромных солнц. Все силы природы будут повиноваться ему, как рабы”.

Ничего сверхъестественного в этом нет. Дело в том что НИЧТО, модификацией которого мы являемся, обладает, как качеством, некоей первоэнергией, перво-силой. Сущность этой первоэнергии называют праной и определяют как “бесконечную, всюду находящуюся и проявляющуюся силу”, общую сумму энергии Универсума. Не вдаваясь в детали, дадим здесь ключ к овладению этой энергией и применению ее.

Наше тело можно рассматривать, как своего рода аккумулятор праны с одной стороны, и как прибор для увеличения ее заряда в нас и управления этим зарядом с другой. Все наше тело пронизывают особые бесконечно малые каналы, нади, которых насчитывается более 700 миллионов. Внешне они себя не проявляют, и поэтому западная физиология попросту до сих пор их не замечала. Все нади собираются к трем главным каналам, тянущимся вдоль позвоночника и называемым йога-нади. Центральный из них, самый важный, совпадает по локализации со спинным мозгом (но это не одно и то же), начинаясь у основания спинного хребта и заканчиваясь в головном мозгу. Эта йога-нади, называемая Сушумна-нади, внутри себя имеет еще один канал Ваджрахья, а в нем третий — Читрини. На своем протяжении Сушумна как бы пронизывает семь нервных центров — чакр, называемые в целом “сат чакра” или “сат падма” (“семь лотосов”), и изображаемых с различным, в

зависимости от расположения чакры, числом лепестков.

В начале Сушумны на уровне крестца и половых органов, лежит Муладхара с 4-мя лепестками — центр сексуальной энергии. Несколько выше, примерно посредине между промежностью и пупком — Свадхистхана с 6-ю лепестками. На уровне солнечного сплетения — Манипура с 10-ю лепестками. На уровне груди — Анахата с 12-ю лепестками. На уровне начала шейных позвонков — Вишудха с 16-ю лепестками, в районе третьего глаза — Аджна — с 2-мя лепестками и в районе макушки — тысячелепестковый лотос — Сахасрара.

Кроме Сушумны вдоль позвоночника располагаются еще два канала йога-нади: Пингала-нади и Ида-нади. Все три йога-нади начинаются в Муладхаре и заканчиваются в Сахасраре, причем на уровне Вишудхи они

сливаются и затем Ида и Пингала меняются сторонами.

Все нади служат для транспортировки праны в любую точку тела. Прана, получаемая нами из внешней среды через воздух, пищу, воду, солнечные лучи, сосредотачивается в чакрах, в пассивном, спящем виде. Для совершения любого из “чудесных” действий следует вызвать в себе импульс, движущийся по Сушумне от Муладжары вверх в Сахасрару и возвращающийся по Иде и Пингале вниз, к Муладхаре. При движении вверх этот импульс как бы пронизывает собой чакры и активизирует спящую в них (в первую очередь в Муладхаре) прану. Такое ритмичное движение импульса вверх-вниз как бы накачивает, нагнетает прану в Сахасрару, доводя ее заряд до колоссальной мощности. Затем мы усилием воли направляем этот стусок энергии на выполнение той или иной задачи, цели, которую хотим добиться.

Так, в принципе, выглядит решение проблемы в общем случае. Разумеется, тут есть свои тонкости и сложности, о которых здесь говорить не место. Знание их опасно для тех, кто недостаточно подготовлен к их восприятию.

Прану мы черпаем из внешнего мира самыми различными путями, но, главным образом, с помощью дыхания. Потому-то йога и родственные системы придают такое значение регулировке дыхания, правильному дыханию, т. е. пранайаме (в переводе — “удержание, обуздание праны”). Упор на дыхание носом, которого требует Хатха-йога, объясняется тем, что именно отсюда, через слизистую носа, черпают прану две йога-нади: Пингала (правая ноздря) и Ида (левая ноздря).

Пингала проводит положительный ток и обозначается звуком ХА, что символизирует Солнце, Шиву, бытие, мужское начало. Ида — проводник отрицательных токов, звук ТХА, что

символизирует Луну, Шакти, энергию, женское начало. Оба эти тока, притекая в Муладхару, накапливаются в виде спящей, “свернувшейся” потенциальной энергии — Кундалини, или шакти, поскольку Муладхара считается женским, отрицательным полюсом тела. Положительный полюс находится в Сахасраре, внутри мозга (примерно под тем местом, где волосы на макушке образуют завиток, особенно заметный у детей). Практически в описанном способе “раскачивания” праны мы как бы стучим в обиталище Кундалини ритмическими импульсами, будим ее, активизируем и поднимаем вверх по Сущумне в Сахасрару, по пути еще увеличивая ее потенциал, ее напряжение в других, пронзаемых ею чакрах.

Внимательно присматриваясь к этому процессу, можно заметить, что мы с помощью ритмических колебаний соединяем воедино положительный и отрицательный полюса, т. е. бытие и энергию, Шиву и Шакти, мужское начало с женским. Мы

как бы совершаем внутренний духовный половой акт. Отсюда и воззрения шактов и практика тантры с ее ритуалом панчамакра — пять М (подразумеваются: мадья — вино, маиса — мясо, матсья — рыба, мудра — хлеб и майтхуна — ритуальный половой акт). Здесь избран иной, более прямой и практический способ примирения двух противоположностей, приведение их к достижению внутреннего равновесия у обоих партнеров, олицетворяющих эти начала.

Ритуальным, однако, является не любой половой акт. Тантра обладает самой богатой среди йога-школ литературой, посвященной, главным образом, этой проблеме. Первое и важнейшее условие — осознание полового акта, как мистерии, священнодействия, добровольного и обоюдожелаемого взаимодействия противоположных начал. Его должны совершать двое и для двоих. Это принесение себя в жертву другому ради его наслаждения, стремление

сделать это наслаждение наивысшим, довести его до экстаза, до взаиморастворения, до утраты чувства личности. Здесь мы через я — физическое подавляем и исключаем из триединства я — личность (говоря языком дзен — У-шин, главного врага в себе), принуждая его занять подобающее ему подчиненное место и избавляясь от власти пут, которые оно на нас налагает: эгоизма, собственничества, стяжательства, как стремление брать, а не давать, наконец, от его оценочной деятельности (добро — зло, хорошо — плохо, мое — чужое, и т. п.). Мужчина — женщина — тоже пара из этого ряда и, приводя к единству эти противоположности, мы воссоединяем и остальные, либо непосредственно в ощущениях, либо с помощью дальнейшей медитации над этим актом.

То, что изложено, лишь стержень тантры, согласующийся со смыслом Учения, в целом она куда более разнопланова. Но так или иначе, половой акт здесь всегда и прежде всего должен

иметь духовный смысл, духовное содержание, иначе он теряет свою высшую ценность и превращается из таинства в чисто физиологическое отправление. Признак правильно совершенного ритуального полового акта — полное удовлетворение обоих партнеров, усталость и расслабленность у женщины, прилив бодрости и легкости у мужчины: энергия активизировалась и слилась с бытием, вошла в него.

(Кстати, именно конфликтом между этими двумя положительным и отрицательным началами, неравновесием их напряжений в теле человека, и объясняет йога- и мага-медицина возникновение большинства болезней, подразделяя их в зависимости от преобладания того или иного начала, на “положительные” и “отрицательные”).

- X -

Как, надеюсь, ясно читателю, вышеприведенное рассмотрение практик и взглядов разных йога-школ есть лишь отступление от основной темы, носящее общеобразовательный характер. Однако, ценность его для нас не только в этом.

С одной стороны, важно усвоить, что все эти секты и школы, включая и “мрачные”, “изуверские”, являются пусть более или менее дальними, но отростками того же самого дерева — Учения, и в основе своей содержат ту или иную его идею, более или менее развитую, сохраненную или искаженную, присутствующую лишь в виде отдаленного намека на исходный смысл, но все же присутствующую. Согласитесь, что жить и питаться, например, по образцу шававадинов может либо безумец, человек с патологическими извращенными наклонностями, либо тот, кто вопреки презрению и злобе

окружающих, вопреки конвенциям, общепринятым взглядам и мнениям, преодолевая собственное отвращение, самого себя, заставляет себя делать все это и есть все это во имя некоей высшей цели. Иначе говоря, “в этом безумии есть логика”, и состоит она в борьбе с косностью мира форм и в первую очередь с косностью собственной такими вот крутыми, неудобоприемлемыми, самооскверняющими мерами. (В этом-то и дело! Разумеется, есть много иных способов подобной борьбы, не требующих такого самоотречения и самоунижения, вполне благоприличных, вызывающих почтение и восхищение окружающих... Но где гарантия, что тогда ведущим мотивом не станет тщеславие, жажда вознаграждения, жажда поклонения, привязанность к плодам своих действий? А ведь это одна из главных уз, от которых необходимо избавляться, но об этом разговор впереди...)

С другой стороны, читателю с аналитическими склонностями, видимо, интересно будет

проследить, какие изменения с течением времени может претерпевать и каким искажениям может подвергаться та или иная здоровая в корне своем, но вырванная из общего контекста, идея, мысль или теория. Как пример подобного искажения, правда, с другого материка, но пример очень яркий, хочу указать здесь на практику ацтеков приносить в жертву Кетцалькоатлю (Пернатому Змею, одному из Великих Путников) сердец, вырываемых из груди живых людей, опирающуюся на обращение-призыв Великого Неизвестного:

“Никаких жертв, кроме чистых сердец, я не хочу. Если хотите почтить меня, дайте мне сердца ваши чистыми”. Эти-то слова и были со временем истолкованы "подобающим" образом. Буква и дух, не правда ли, лучше не придумаешь?

Попутно, чтобы ни у кого не возникло искушение (как это свойственно “европоцентристам”), на основании описания обычаев этих мрачных сект

говорить о “восточном” варварстве и дикости, прошу вспомнить, во что различными сектами средневековья и современной “цивилизованной” Европы была превращена проповедь Путника Иисуса Христа, и что творилось и творится во имя его. Думаю, сравнения окажутся не в пользу европейцев.

Наиболее глубокую теоретическую разработку и широкое практическое применение из всех йога-школ получили все-таки четыре: Карма-йога, Бхакти-йога, Джнана-йога и Раджа-йога. Однако ограничимся лишь простым перечислением их, любознательный читатель найдет о них достаточно материала в других источниках.

- XI -

Благодаря описанным выше и другим подобным практикам и методам человек свергает неправоммерно раздутое господство интеллекта (Я - "личность") или эмоций ("Я - физическое"), и ставит каждый из этих элементов на подобающее ему место. Образно: НЕЧТО наводит порядок в своем доме.

Так, человека, поработанного эмоциями, т. е. не знающего своего истинного "Я", и с интеллектом, поставленным на службу этим эмоциям, можно уподобить гигантскому ящеру с огромным телом, брюхом, ногами и с черепом не крупнее куриного яйца. Человек, в котором властвует интеллект, рассудок, заслоняя его истинное "Я" и помыкая его телом, подобен маковой головке или редиске, пытающейся стоять на тонком хвостике. И лишь тот, кто сумел гармонично распределять в себе

сферы действия каждого из этих трех компонент, вполне заслуживает имени Человека.

Последовательность подчинения этих двух низших элементов высшему "Я" такова:

- подчинение "Я - физического" и его производных (эмоций, инстинктов и т.п.) своему истинному "Я" с помощью "Я - личности";
- подчинение "Я - личности" (сознания, мыслей, оценок и пр.) высшему "Я";
- обращение "Я" к себе, внутрь себя, осознание своих сил, способностей и возможностей, своего могущества, своей сущности.

В такой последовательности излагались эти этапы в любой из происходящих от Учения религий. Христианское "умерщвление плоти", "обуздание плотских страстей" и т. п. - не что иное, как подчинение эмоций разуму и воле. Того же корня и требования "не кради", "не убий", "не

прелюбодействуй" и др. Позднее смысл таких требований был искажен, а то и полностью извращен рвением фанатиков, принимавших их как догму и насаждавших их в таком виде, ибо: "Учитель сказал!". Потому-то эта закоснелая, догматичная церковщина в любой ее форме всегда была худшим врагом Учения, опошлением и профанацией его.

"Религия человека - это его разум. Час размышления стоит больше, чем шестьдесят лет поклонения богу!" - это сказал не кто-то из великих безбожников, а основатель ислама Магомет, по легенде неграмотный. И эти слова - в духе Учения.

Следующий этап - подчинение интеллекта высшему "Я". До такой проповеди дошли только немногие из древнейших религий, среди приверженцев которых уже были те, кому нужно было ее адресовать, т. е. успешно одолевшие первую ступень. Требование "победить

интеллект" кажется дико звучащим. Важно, однако, не что сказано, а как понято. Дело в предрассудке, вернее, в положении, ради торжества которого человечество принесло немало жертв, и с увеличением числа этих жертв приобретение казалось наделенным завышенной ценностью. Чем дороже мы платим за что-то, тем более значительной кажется нам эта вещь, идея, достижение, т. е. субъективная цена подменяет здесь собою объективную ценность.

Эта иллюзия уже принесла человечеству немало бед. Одно из ее порождений - перенесение ценности того, что человек имеет, на самого человека. Из-за этого богатство становится притягательным и, в первую очередь, для людей, стоящих на низкой ступени духовного развития, тщеславных, алчных и завистливых и, поскольку эти страсти правят ими и их интеллект подчинен этим страстям - неумных. Разум их вырождается в ловкость и хитрость. Атмосфера постоянной грызни и страха вырабатывает в этих людях

тупую жестокость, злобу, лживость и подлость. Продолжать, я думаю, излишне.

Не хочу, однако, быть неверно понятым. Выше было сказано, что все пути равны и равно уважаемы, следовательно, ПУТИ подобных людей столь же важны, как и пути мудрецов и гигантов духа, истинной гордости человечества. Несправедливость тут лишь кажущаяся, чувство это происходит от непонимания сущности эволюции. Мерзавцы и подонки так же нужны человечеству, как и благородные рыцари, святые и гении. Каждый акт одновременно и причина и следствие, действие и побуждение к действию, к реакции, вызов. Существование негодяев любого рода необходимо понимать, как толчок к борьбе против них, как стимул к сопротивлению, внутреннему либо явному, наконец, как дурной пример, которому не стоит следовать.

Все без исключения, что существует, наличествует - в равной мере необходимо и оправдано. Все, что

происходит вокруг нас, адресовано нам так же, как вопрос учителя, заданный не нам, побуждает нас думать над ним и является вызовом. Нас касается все, и чем шире это "все", чем большую ответственность за окружающее мы ощущаем, тем больше мы люди, тем больше мы свободны. Но так же, как оправданность зла не исключает нашего сопротивления ему, так и то, что все происходящее вокруг есть вызов для нас, вовсе не определяет ни характера нашей реакции на такой вызов, ни обязательного принятия его.

Если на меня лает собака, это вызов, но я не обязан лаять в ответ, как и вообще реагировать на нее. Узел обстоятельств может вынудить меня к этому и даже задать форму реакции, но независимо от этого вынужденного акта я не должен и не могу себе позволить стать рабом трусости или злобы, я обязан быть внутренне спокойным, невозмутимым, непричастным.

Это очень важное положение, внешне впадающее в противоречие со сказанным выше о всепричастности посвященного в Учение, однако и это противоречие лишь иллюзия. Не надо забывать, что в каждом из нас заключено три элемента, образно говоря, в каждом из нас обитает зверь, человек и бог, и только последний - наше истинное "Я", которое всегда должно оставаться не актером, а зрителем, не марионеткой, а кукольником, надо быть собой. Я могу выпускать на волю зверя, могу поручать то или иное дело человеку, но не могу позволить, чтобы тот или другой выходили из повиновения или командовали мной, и, в принципе, они и не способны на это.

Но беда в том, что внешний мир, мир форм, "Я" воспринимаю не напрямую, а через "Я - личность", и, если его оценки не верны, окрашены эмоциями "Я - физического", образ окружающего возникает передо мной замутненным и искаженным. В этом случае "Я", ослепленный,

теряю способность выступать как аргумент эволюции. как внутреннее обстоятельство, и не могу настроить свое триединство синхронно назначенному ему ПУТИ. В результате ПУТЬ скрывается за туманом иллюзий, и человек, пораженный этим недугом, блуждает в потемках, пытаюсь ухватить призрак или гоняясь за миражами. Раб иллюзий неизбежно становится и рабом внешних обстоятельств.

Из этого следует положение о непривязанности, которое может быть сформулировано следующим образом: что бы ты ни делал, делай это наилучшим образом, но ради самого труда, а не из страха, тщеславия, надежды на награду, плату - т. е. не ради каких бы то ни было плодов своего труда. Именно этот принцип Учения лег в основу упоминавшейся Карма-йоги.

То, что ты делаешь, ты должен делать, и, поскольку ты должен, делай это, не рассуждая, хорошо это или плохо, выгодно или опасно.

Потом ты можешь позволить своему рассудку заняться оценкой и рационализацией своих действий, но это потом. Когда надо действовать, самый неприятный и опасный спутник тот, кто хватается тебя за руку и говорит: "Нет, погоди, сперва подумаем, не выйдет ли чего..." Это, однако, не означает, что надо всегда повиноваться первому же импульсу. Так следует поступать лишь когда ясно видишь ПУТЬ, когда эти импульсы-приказы отдает истинное "Я", видящее мир не в кривом зеркале иллюзии, а таким, каков он на самом деле. Иначе говоря, действовать не рассуждая, вовсе не значит метаться и дергаться, хватаясь за все сразу, это означает разумное действие, действие в состоянии му-шин.

Тем, кто не достиг еще равновесия в триединстве, и, особенно, начинающим, следует рекомендовать "воздержание от действий", т. е. им не следует ничего предпринимать до тех пор, пока они не ощутят настоятельной необходимости именно в этом действии, и какое-то время даже пытаться

сопротивляться этой необходимости. Это одно из наиболее действенных упражнений для подчинения себе "Я - физического" и "Я - личности", обуздания их.

Из непривязанности вытекает и весьма важное положение о цели и средстве. По мысли Учения любая вещь, предмет, действие могут играть роль и цели и средства. Путник всегда должен определять, какую функцию несет данный предмет или вещь, и относиться к этому соответственно.

Так, некто покупает пианино не умея играть, из престижных соображений. (То, что он "хочет" учить своих детей музыке и т. п., как правило, рационализация, т. е. обман себя и окружающих.). В этом случае он преследует цель иметь пианино ("как в каждом порядочном доме"), и пианино становится целью. Но, положим, этот некто - музыкант, композитор, тут

пианино есть средство и может быть приравнено к предметам первой необходимости.

Потому-то Учение хотя и призывает ограничивать свои потребности и довольствоваться необходимым, не налагает на Путников никаких прямых запретов. Можно добиваться богатства, влияния, жить в роскоши, - само по себе это ничего не значит. Важно, чтобы это богатство, влияние или роскошь "работали" на высокую, прекрасную цель, были средством для ее достижения. Позиция Путников в этом смысле такова: все, чем мы пользуемся в этом мире, нам не принадлежит. "Обладание" чем-либо не более как иллюзия. В то же время нам принадлежит все. Можно сказать, что все, чем мы обладаем, мы берем взаймы у Бога для выполнения назначенной нам работы, по насущной необходимости, и должны вернуть, после того, как необходимость в данном орудии исчерпана. С этой точки зрения стяжательство и алчность выглядят попросту смешными...

- XII -

Выше мы упоминали об УЗАХ, от которых необходимо избавляться Путнику. Остановимся на них подробнее.

Первой — по порядку важности избавления от нее — считается заблуждение на счет своего “Я”. Об этом уже было много сказано: наше истинное “Я” — “бог”, а не “человек” или “зверь”, ему подчиненные. Но для окончательного избавления от этого заблуждения надо не просто понять это, надо стать богом и быть им, смотреть на мир его глазами. Этому надо учиться. И здесь, как помеха, выявляет себя другая уза — сомнение, существующее в нескольких формах.

На первом месте здесь — сомнение в Учителе, в гуру. Чтобы уяснить себе вред этого сомнения, надо понять статус гуру, принятый у Путников, так как он очень отличается от обычного взгляда

на учителя, “того, кто учит”. Гуру не учит, он помогает учиться. Учишься ты сам. Гуру может быть тот, кто в освоении Учения, постижении истины продвинулся дальше, чем ты, кто по праву носит звание Путника. Это отнюдь не значит, что он само совершенство, идеал, образец для подражания.

У каждого из нас свой ПУТЬ, и подражать ПУТИ другого — значит отходить от себя, от истины. Ищи свой ПУТЬ и следуй ему. Каждому свое.

Разница между гуру и учеником лишь в том, что первый уже переживал ситуации, которые ученик переживает впервые, и может дать совет, как он поступал в подобных случаях и чему научился при этом. Затем, он может обсуждать с учеником то или иное положение Учения, указывать на его ошибки и заблуждения, обращать внимание ученика на упущенные, детали и тонкости, давать ему темы для медитаций, упражнения для развития тех или

иных качеств и способностей, оценивать достижения ученика, но и только. Это скорее старший и более опытный товарищ, чем учитель.

Наилучший вариант отношений гуру и ученика — отношения мудрого и любящего отца с исполненным уважения и стремящимся к мудрости сыном. В этих отношениях нет и тени насилия. Они обоюдны добровольны и свободны: гуру выбрал себе этого ученика, и ученик выбрал этого гуру. Каждый волен в любую минуту, если почувствует в этом нужду, прервать эти отношения. Никакой властью над учеником, кроме своего авторитета, гуру не обладает.

Тут нет противоречия с упомянутым отрицанием авторитетов по той причине, что гуру не идол, не образец. Его авторитет тождественен уважению к нему ученика и равен ему. Но именно поэтому авторитет гуру для ученика должен быть наивысшим и непререкаемым, не подлежащим даже малейшему сомнению. Если такое сомнение

возникло, то отношения гуру и ученика уничтожаются сами по себе: либо гуру для ученика человек компетентный, либо нет, одно из двух.

Что бы гуру ни делал, как бы он ни поступал — он всегда прав, ибо это его ПУТЬ. Но его индивидуальный ПУТЬ, конкретный ПУТЬ его формы — одно. Учение — совсем другое. Ученик должен различать это и его право выяснять у гуру это различие. Это не значит, однако, что гуру полностью подотчетен ученику. Он может и должен сообщать ему лишь то, что будет принято и понято правильно. Если ученик недостаточно подготовлен для восприятия данного положения, он может сделать из него неверные выводы и этим причинить вред себе или другому.

Первая же заповедь гуру, как впрочем и всех Путников, не вреди! Но вновь-таки понимать ее надо в духе Учения, иначе говоря, надо избегать нанесения большего объективного вреда,

предпочитая ему вред меньший. Ампутировав больную ногу, пораженную гангреной, врач причиняет ему вред, но что такое утрата ноги по сравнению с утратой жизни! Важно лишь то, о чем говорилось раньше: что бы я не совершал — “добро” или “зло”, я должен делать это без привязанности, без чувства злобы или тщеславия, должен выступать как Провидение, как Рука Божья, потому что я и есть эта Рука или перчатка на ней.

Из упомянутого умолчания у ученика могут возникать две другие формы сомнения: сомнение в Учении и сомнение в методе, который избрал гуру. Первое идет от недостаточного понимания главных положений Учения; второе — плод самоуверенности и гордыни, ибо в этом случае ученик пытается учить учителя, как учить себя.

Третья УЗА — вера в действенность добрых дел, т. е. убеждение в том, что творя “добро” и избегая “зла”, мы становимся лучше и выше. Но

единственное “добро”, которое мы можем совершить — это наилучшим образом выполнять то, что предписывает нам ПУТЬ, наша судьба, и творим ли мы таким образом дела “злые” или “добрые” — не наша вина и не наша заслуга.

Четвертая УЗА — чувственность. И в это слово вкладывается иной смысл, чем обычно принято. Для Путника это порабощенность чувствами, привязанность к ним, неумение обуздать их, и, в результате, — жизнь иллюзиями. Чувственность наиболее сильно удерживает нас в сознании различий, о котором мы упоминали выше.

Пятая УЗА — злая воля (неправое желание). Если ребенок хочет луну с неба, такое желание кажется ему вполне осуществимым, и он страдает, когда эту луну ему не дают (“Не хотят дать!”). Но люди на каждом шагу уподобляются этому ребенку, хотя объективная невыполнимость их желаний более скрыта и не бросается в глаза. Когда мы, несмотря на все усилия, не достигаем желаемого,

мы начинаем рассуждать, что если бы поступили не так и сделали бы не то, а другое, то мы бы, конечно... Слишком много "бы". Мы не могли поступить иначе, чем поступили, потому что таков наш ПУТЬ. Мы необходимо должны были поступить так, и результат наших действий необходимо должен был быть таким, каков он есть. Это "бы" возникает только из наших рассуждений апостериори, после того как дело сделано. Реальность такова, что независимо от нашего желания мы получим то, что нам предназначено, и не получим того, что лежит вне пределов нашего ПУТИ. Отсюда Путник делает выводы:

- никогда и ни в чем не завидовать кому бы то ни было, ибо каждому дано по его ПУТИ, равно доброго и злого;
- насколько можно яснее ухватить направление и границы своего ПУТИ, основываясь на том, что объективно нам дано. Безусловно, это познание

относительно, но лучше оно, чем блуждание в потемках;

- не придавать излишнего веса своим желаниям и стремлениям, удачам и неудачам, всегда сохранять равновесие и спокойствие духа.

Что касается "злой воли" в буквальном смысле, как желания зла кому-то, одна из заповедей Путников: отказ от мести, от возмездия или возмещения. С одной стороны, любое такое желание есть привязанность, с другой — в мире за все есть воздаяние. Не обязательно сразу и в той же форме, но обязательно наступающее. Если мы видим в чем-то большое зло, то следует искать рядом, тут же, не меньшее добро. Иначе говоря, удаляясь от отрицательного полюса данной ситуации, мы находим ее положительный полюс и занимаем срединное положение между ними, нейтральную позицию.

УЗА шестая — привязанность к миру форм — проистекает главным образом из заблуждения относительно своего “Я”, скрытого отождествления себя одной из форм. Умом человек может принимать то, что его истинное “Я” не есть форма, но чувствует себя формой и продолжает жить ее жизнью.

Если избавление от первой УЗЫ предусматривает принятие нового взгляда на свое “Я”, то теперь речь идет об осуществлении этой новой позиции в своей обыденной жизни, от самых крупных ее событий, до самых незначительных мелочей. Так, я могу верно понимать сущность своего “Я” и стремиться искренне освоить Учение, но в то же время ждать от этого чисто практической выгоды для себя, т. е. для формы, заключенной в систему мира форм, ибо выгода есть одна из его иллюзий. С другой стороны, я могу стремиться вырваться из пут формального мира ради обретения свободы, ради жизни более высокой и совершенной, которая рисуется мне как бы

наградой за мои усилия и старания. В итоге я оказываюсь в плену у седьмой УЗЫ — привязанности к высшему миру, поддаюсь иллюзии той же выгоды, той же награды. Тот, кто хочет стать святым, может, добиваясь этого, потратить всю свою жизнь — и попусту. Нужно не хотеть стать святым или богом, а быть им. Метод кнута и пряника тут совершенно неприменим: где нет “добра” и “зла”, нет “награды” и “кары”.

Восьмая, девятая и десятая УЗЫ — гордыня, самооправдание и невежество, в подробном разборе не нуждаются. Все они играют в основном тормозящую роль в духовном развитии человека. Так, гордыня может проявлять себя тем, что мы переоцениваем достигнутое нами и начинаем видеть в этом “свою заслугу”, желая получить за нее “награду”, которую не получаем и обижаемся, и теряем интерес к дальнейшему совершенствованию. Либо мы забрасываем это совершенствование из-за обычной лени и

прибегаем к самооправданию: мол, нам помешало то или другое, не было времени, много дел и т. д. В результате лень превращается в узаконенную помеху и действительно становится такой, ибо с помощью самооправдания мы всегда найдем для нее соответствующие благообразные одежды. Невежество зачастую мешает разобраться нам в том, с чем мы сталкиваемся в жизни, сделать для себя верные выводы из того или иного явления, события, ситуации.

- XIII -

Несведущему человеку Путники могут показаться чем-то вроде разновидности верующих, сектантов. Тогда естественно возникает вопрос: "Если это церковь или секта, то как она организована, какова ее структура?" Увы, думающий так будет разочарован - никакой фиксированной структуры или организации у Путников нет. Это не секта, не религия, не группировка, это, если можно так сказать, течение, т. е. некое неопределенное количество людей, объединенных лишь общим подходом к миру, к жизни и ее проблемам, общими воззрениями, возможно (что, однако, имеет мало значения), общностью происхождения. Как же в таком случае Путники узнают друг друга? Вопрос этот сложен, вновь-таки, для человека "со стороны", но не представляет затруднения для самих Путников.

Во-первых, Учение само по себе остро нацелено на развитие у своих адептов интуиции - это один

из ответов. Второй - отношение Путников к определенным житейским и мировоззренческим проблемам. Каких-либо ограничений или запретов, наказов в отношении еды, питья, одежды (кроме тех, что наложит на себя сам Путник) Учение не налагает. Я могу пить только воду и соки и есть лишь фрукты и овощи, но с тем же успехом могу пить вино и есть бифштексы, могу ходить голым, в рубище или одетым по последней моде. Единственное чего я должен избегать - привязанности. Вот эта-то непривязанность и создает тот особый стиль жизни Путников, по которому брат легко узнает брата.

Большую роль тут играет и символика. Значение некоторых из принятых у Путников символов я хочу объяснить.

Первый из них - ПОСОХ. Это знак ПУТИ, опора и постоянное напоминание об этом ПУТИ, о том, что ты - ПУТНИК. В древности такой посох имел

еще и наконечник, как у дротика и был не только опорой, но и оружием. В этом тоже был заключен смысл: Путник ведь еще и воин ПУТИ, воин в походе, на боевой тропе.

КОЛЬЦО или БРАСЛЕТ имеют космогонический смысл. Традиционно его делали из простого металла (медь, бронза, железо и т. п.) или камня, без украшений, и носили чаще на левой (сердечной) руке. Это, однако, особого значения не имеет. Смысл символа - вечное, вновь и вновь повторяющееся возвращение каждого из нас, каждой вещи и каждой формы к той же самой точке, той же ситуации, в тот же мир и в то же время. Кольцо - элемент спирали, а в пространственном представлении Путников УНИВЕРСУМ и выглядит как замкнутая, лежащая на боку, спираль. Простота исполнения кольца важна лишь для подчеркивания его символической роли и как напоминание о принципе непривязанности. Еще одно толкование смысла: кольцо есть элемент цепи,

которой мы все прикованы к Великой Колеснице ПУТИ, КОЛЕСНИЦА с ЯРМОМ - еще один символ Путников.

Иной символ и предмет для медитации - Зеркало. Глядя в него, мы видим не отражение нашего мира, а мир иной, антимир. Зеркало - как бы окно в этот антимир, окно нам доступное. Оно же напоминает и о жесточайшем детерминизме Универсума. В самом деле, могу ли я шевельнуть пальцем, чтобы мой двойник, по ту сторону зеркала, не повторил этого же движения?

Часто Путники носят амулеты или талисманы. Отношение Путников к этим вещам тоже характерно и вполне согласуется с их стилем жизни. Многие теории говорят о влиянии амулетов и талисманов на жизнь, здоровье, удачу человека, приписывая подобные свойства лишь драгоценным и полудрагоценным камням и металлам. С точки зрения Путников такой подход по крайней мере ошибочен. Талисманом или

амулетом может быть любая вещь или предмет, независимо от его нарицательной (рыночной) стоимости. Путники часто профессионально занимаются изготовлением амулетов из камня, дерева, кости, металла. При этом, разумеется, для мастера важны свойства материала, обуславливающие возможность его обработки, придания нужной формы и т. п. Но гораздо важнее сам процесс изготовления амулета и дальнейшее обращение с ним.

Амулет надо не просто вырезать из камня, дерева или другого материала, надо еще "насытить" его соответствующим психическим излучением мастера, "вдохнуть в него душу". Поэтому мастер, принимаясь за работу, должен вызвать у себя определенную психическую настройку, иначе его старания будут впустую. Во-вторых, особыми упражнениями он должен создать в себе избыток этой силы, которой он и наделит свое произведение. В-третьих, тот, кому предназначен амулет, должен относиться к нему как к живому

существу, заботиться о нем, оберегать его от порчи и повреждений, время от времени, так же как и мастер, передавать ему часть своей жизненной энергии. Амулет, таким образом, является как бы аккумулятором этой энергии, ее "банком", который при необходимости ссужает ее нам, поддерживает в нужную минуту. Кстати, именно из воззрений Путников и развилась современная наука психотроника.

Вкратце суть дела в том, что любой предмет или объект создает вокруг себя некое энергетическое поле, которое в свою очередь влияет на окружающую его среду. Соответствующими операциями это поле и его воздействие могут быть многократно усилены и специализированы. Чем дольше и регулярнее предмет подвергался такой правильно производимой "подзарядке", тем большей силой воздействия он обладает. Именно поэтому Путники так ценят амулеты, особенно древние, сила которых, как правило, очень велика. Однако тут, как, впрочем, и в

обращении буквально с любыми вещами, необходима осторожность, и вот по какой причине.

Всякий, без исключения, предмет несет в себе как бы отпечаток духа своего хозяина или ряда их. Если этот человек или эти люди питали грязные, злые чувства и мысли, то такой же недоброй энергией заряжался и сам предмет. Можно сказать, что от него исходит отрицательное излучение, что он оказывает на того, кто им обладает, дурное, злое влияние.

Если же некий амулет использовался сознательно для причинения зла, то такое влияние может быть чрезвычайно сильно, даже губительно. В подобных случаях необходимо, раскрыв это свойство амулета, либо нейтрализовать его, что трудно и не всегда удается, либо от него избавиться.

Точно так же любые наши вещи, даже новые, могут быть по отношению к нам "доброжелательными" или "недоброжелательными". Тут можно говорить о некой естественной симпатии или антипатии между предметами и данным человеком. То же касается и определенных мест, действий, чисел и т. д. Каждый, кто достаточно наблюдателен, замечал, что некоторые вещи "любят" или "не любят" его, как бы стараются нарочно причинить ему вред, портятся, не повинуются ему и т. п. Или то, что в какие-то определенные дни нам почему-то не везет, как бы мы ни старались.

Такие взаимосвязи между отдельными объектами известны Путникам с древнейших времен. На их основе были затем развиты учения о талисманах, приметах, числах, благоприятном и неблагоприятном цвете, астрология и другие оккультные науки. Правда, со временем они были так искажены, что это сводило на нет их практическую ценность, даже когда они

сохраняли под наносной шелухой разумное зерно. Зерно же это заключено в том, что каждый должен по мере сил обнаруживать источники благоприятных и неблагоприятных для него конкретно влияний и, избегая вторых, прибегать к помощи первых.

Конечно, существуют многие источники более общего и широкого воздействия, некие общие положительные и отрицательные закономерности. Каждое из них воздействует на человека не само по себе, а в целом комплексе сил, образующих между собой крайне сложные и запутанные переплетения, представляющие часть того узла обстоятельств, через который и осуществляется наш ПУТЬ. Рассчитать все его составляющие мы, конечно, не в состоянии. Положение затрудняется и тем, что все элементы этого узла диалектичны, а не статичны и раз и навсегда утверждены, и любое их сочетание, хотя бы чуть видоизмененное, оказывает уже иное,

порой совершенно противоположное воздействие.

Вообразим теперь, что нам все-таки удалось сделать такой расчет. Но он был бы действенным лишь в случае когда человек, относительно которого этот расчет произведен, был бы абсолютно пассивной, лишенной малейшей самостоятельности игрушкой внешних сил и обстоятельств. Такого на деле не может быть, ибо человек есть обстоятельство внутреннее, которое в зависимости от степени его свободы всегда проявляет себя, больше или меньше, и соответственно изменяет все составляющие этого узла. Более того, с возрастанием степени свободы растет и наша способность использования интуиции, что позволяет нам совершенно обойтись без механических расчетов, особенно при использовании интуиции в качестве предзнания, предвидения.

Из сказанного Путники делают следующий вывод: нужно помнить о важности и значимости всех этих воздействий, можно стремиться к познанию и изучению их в доступном для нас объеме, но не следует придавать им в целом какого-либо решающего, "рокового" значения. Критерием здесь может служить лишь то, помогает или не помогает мне такое знание или такая вера, "работают" или "не работают" они на меня, на свершение мною своего ПУТИ.

Если я верю, что число 13 благоприятно мне, приносит удачу, и вера эта действительно подтверждается практикой - да будет так! Если я верю в обратное и убеждаюсь на деле в этом - да будет так! Единственное, но необходимое условие, чтобы это "да будет так!" не приобрело оттенка вечности, чего-то статичного, догмы. Ведь в сущности любая примета, амулет, гороскоп и т. п. принадлежат к миру форм, подчинены его законам, которые приведены были выше, а по отношению к формам такого порядка фактором

эволюции являемся мы. Именно это заключает в себе определение "работает - не работает".

Любая попытка догматизировать что-то, придать ему характер неизменности в этом свете выглядит комически: мы живем в изменяющемся мире, мы сами постоянно изменяемся, и в то же время пытаемся вынудить некую, соседнюю форму не изменяться. Но ведь это вечное изменение, протекание и есть бытие! Таким образом, требуя от чего-то или кого-то не изменяться, мы требуем от него не быть! "Остановись, мгновенье, ты прекрасно!" Допустим, такое было бы возможно. Тогда, остановив мгновение, мы остановили бы мир. Универсум, и прекратили бы его существование заодно со своим собственным.

Каждый из нас знает, что ожог бывает от прикосновения к раскаленному металлу или огню, что ходить по воде, как посуху или парить в воздухе, человек не может... Но вот к руке человека, находящегося под гипнозом,

прикасаются холодным пятакон, внушая ему, что пятак раскален, и появляется ожог. Болгарские нестинары, йоги, воины индейских и африканских племен ходят по раскаленным углям, пляшут на них без малейшего вреда для себя, те же йоги по воде переходят Ганг или висят в воздухе в метре от земли... Что же это?

Подсказку для ответа содержит первый пример: человеку внушили, он верит в то, что будет ожог, хотя, казалось бы, реальных оснований для этого нет. Ходящие по огню не загипнотизированы, но это и не важно: они верят, что жар не причинит им вреда, верят в невозможное. А ведь вера, в сущности, есть принятие некоей оценки, некоей аксиомы. Иное дело, что консерватизм, косность мышления и восприятия зачастую мешают человеку принять такую оценку, которая резко отличается от принятых, внушенных ему обществом, родителями, культурой, воспитанием, образованием и т.п. взглядов и оценок (веры!). Это, кстати, и есть террор среды,

оказывающий на каждого из нас колоссальное воздействие, хотя ощущать этот террор мы начинаем лишь тогда, когда вырываемся из клетки, в которую нас затолкала среда, или пытаемся это сделать.

С точки зрения Путников все, во что мы верим - существует для нас так же реально, как и все то, что воспринимается нами, как безусловная реальность. Иначе говоря, если я верю - полностью верю! - что в той пещере живет дракон, я увижу его, попросту реализую его, моя вера станет им. Средневековые колдуньи, которые верили в свое общение с дьяволом, действительно общались с ним, реализуя созданное их воображением.

Из этого же следует и антитеза: то, во что я не верю, не существует. Так, ходящие по огню не верят, что жар может причинить им вред. Но - вот что интересно! - одновременно они верят, что жар не может причинить им вред. Теза

равнозначна антитезе, т. е. вера равносильна неверию! Собственно, неверие и есть вера со знаком "-". Выше мы уже говорили, что бездействие есть минус-действие, но и то и другое, есть акт. И противостоит вере, мешает ее реализации отнюдь не неверие, как могло бы это показаться, а сомнение ("Я верю, но...").

Как уже сказано, вера есть принятие некоей оценки, аксиомы, очевидности. Мы видим мир таким, каким мы его видим, и считаем этот видимый нами мир реальным. Но опираемся мы при этом на те аксиомы и очевидности, которые сообщают нам наши органы чувств. Короче говоря, мы глядим на мир через "очки" наших ощущений. Но можно ли считать реальным тот мир, который мы воспринимаем с помощью всего лишь пяти органов чувств, причем органы эти крайне далеки от совершенства?

Сокол-пустельга видит стрекозу на расстоянии 300 метров, разглядим ли мы ее за 50 метров? А

ных служебной собаки превышает обоняние человека по силе и тонкости в 1500 раз. Что же касается количества возможных для живого существа чувств - лучше избежим комментариев.

Выше мы уже говорили о мировосприятии змеи, муравья и др. Для каждого из этих животных реальный мир будет выглядеть принципиально иначе, чем для человека и подчиняться (с их точки зрения) иным законам. И не выглядит ли наш "реальный мир" так, как сказал об этом в одной прекрасной притче Шри Рамакришна: "Четверо слепых подошли к слону. Один дотронулся до ноги слона и сказал, что слон похож на столб. Другой дотронулся до хобота и сказал, что слон похож на змею. Третий дотронулся до живота слона и сказал, что слон похож на огромную бочку. Четвертый дотронулся до ушей и сказал, что слон похож на большую корзину. И потом они начали спорить между собой о том, каков слон."

Не стянем уподобляться этим слепым. Слон похож на слона, и наша задача понять, какова же его истинная реальность. А понять это можно лишь отбросив реальности относительные, о которых и шла речь выше. Можно говорить о мире змеи, мире пчелы, мире человека и т. д., но должны мы говорить и понять мир, каков он сам по себе, безотносительно. И полагаться здесь только на наши органы чувств мы не имеем права.

"Но позвольте! - возразят мне. - Ведь мы и так полагаемся не только на них. Мы мыслим, делаем выводы, накапливаем опыт." Отлично. Но основа наших выводов и нашего опыта - это аксиомы, данные нам нашими органами чувств, и не нуждающиеся в доказательствах. Но почему "не нуждающиеся"? Потому ли, что они действительно неопровержимы, или потому, что их невозможно доказать? И пытался ли кто-нибудь доказать аксиому? "Доказывать их нет нужды по их очевидности!" Но это не ответ. Долгое время считалось, что Земля плоская и что

Солнце и звезды вращаются вокруг нее. Это была аксиома и это, пожалуй, "очевидно" и до сих пор...

Любую аксиому мы принимаем без доказательств (на веру!) не потому, что она в них не нуждается, а потому, что доказать ее невозможно. Кто с этим не согласен, пусть докажет себе, что он есть он. В основе всех наших твердых знаний лежат аксиомы, очевидности, лежит вера. Иначе говоря, любая научная теория имеет характер рабочей гипотезы, принимаемой на веру до тех пор, пока она не будет подвергнута сомнению.

Хочу быть правильно понятым: Путники не отрицают реальности мира, реальности Универсума и его познаваемости. Они лишь утверждают, что существует масса различных относительных реальностей, которые нельзя путать с реальностью абсолютной, и что для познания ее надо применять иные методы чем те, которыми мы пользуемся, познавая реальности

относительные. Очевидность отнюдь не может быть доказательством чего-либо.

Однако, мы увлеклись вещами, хотя и имеющими важное значение, но в известной степени для нас побочными. Более существенным будет разъяснить здесь взгляд Путников на жизнь в мире форм, как на школу. "Какая школа? Ведь мы же, как НИЧТО, все знаем!" Это не совсем так. С одной стороны, все знания Универсума наши, но полностью обладают этим абсолютным знанием только НИЧТО в чистом, свободном виде. Что касается нас, то это знание при возникновении Мирового Яйца, Первичного Сгустка, т. е. вещественности, было полностью стерто из нашей памяти, и, чтобы вернуть свободу, нам необходимо вспомнить, восстановить его, восстановить себя, ибо мы и есть это знание, эта истина, это НИЧТО = ВСЕ.

Образно ПУТЬ "нечто" от несвободы к свободе можно представить следующей аллегорией.

Допустим, я был свободен, всемогущ, мудр. Я знал все, жил в лучезарном, блистающем мире, и вдруг... что-то произошло и я оказался в тесной, темной камере. Я постепенно прихожу в себя, я ничего не помню, ничего не знаю. Сперва я принимаю все как должное, и лишь потом очень медленно начинаю отличать: это - камера, а это - я, и мы не одно и то же, и мне здесь неловко, неудобно, тесно. Во мне мелькают иногда смутные проблески воспоминаний о чем-то другом, об иной жизни, ином мире, иных возможностях. И во мне зарождается неопределенное, сумеречное желание выйти отсюда, освободиться. Так, по-видимому, личинка в коконе, или цыпленок в яйце начинают ощущать настоящую потребность в движении. Что это, к чему это, зачем - они не знают и не понимают, но существует какое-то неудобство, какой-то зов, который повелевает им шевельнуться, изменить положение, позу. Я делаю одно движение, другое. Я понимаю, что могу быть не только в неподвижности, но и в движении, в действии, и

открываю различие между действием и бездействием. Действуя, двигаясь, я нахожу на полу темницы несколько ключей, затем в ее стенах несколько дверей и на них замочные скважины... Но проходит еще очень много времени прежде чем я, с помощью тех же смутных проблесков-воспоминаний, ухватываю связь между этими вещами и делаю попытки совместить ключ с замком. Через какое-то время мои попытки увенчиваются успехом и я оказываюсь в другой, более просторной и светлой комнате, в стенах которой еще больше дверей, а на полу разбросано еще больше ключей. У меня уже есть некоторый опыт, некое знание, и я начинаю применять его, но вновь-таки не сразу - я ведь достиг большей свободы и некоторое время удовлетворен новой камерой, в которой к тому же светло и я обнаруживаю различие между светом и тьмой, и есть какие-то вещи, которые привлекают меня и удерживают от дальнейшего стремления вперед, от поисков выхода наружу. Я еще не осознаю ни этого "вперед", ни этого

"наружу". Наконец, я удовлетворяюсь всеми вещами этой комнаты и попадаю в соседнюю, затем в следующую и т. д. В каждой из них еще больше дверей, еще просторнее, еще больше различных притягательных вещей. И я задерживаюсь в каждой из них на тот или другой промежуток времени, но потом все же двигаюсь дальше.

Я уже начинаю действовать целенаправленно: я не только подбираю ключ к некоей двери и вхожу туда, но сперва заглядываю внутрь, что там, лучше ли, привлекательнее ли обстановка, больше ли "сокровищ"? Выбрав ту, которая мне больше по нраву, я перебираюсь в нее, а из нее в другую, еще более богатую, и дальше... И вдруг оказываюсь в такой, все двери которой ведут лишь в одну комнату - в ту, которая была второй или третьей на моем пути...

Мне, обогащенному опытом мира, знанием о том, что в нем есть "лучшие" камеры, не хочется

возвращаться в нее, она кажется мне теперь грязным, противным подземельем, но откуда-то появляется чудовище, которое загоняет меня туда. И я оказываюсь у "разбитого корыта", и вынужден начинать все сначала. От страха перед чудовищем многие из приобретенных мною знаний я позабыл, но многое и помню. Проблески воспоминаний усиливаются, становясь ярче, и мое движение вперед становится более осмысленным, осознанным.

Я начинаю свой путь сызнава, стараясь выбирать другие двери, избежать встречи с чудовищем и иных неприятных "сюрпризов". Тем не менее полностью избежать таких вынужденных возвращений в прежние или подобные им камеры мне пока не удастся, однако, с каждой новой попыткой, я продвигаюсь все дальше.

А в это время среди обнаруживаемых мною "сокровищ" появляются и такие, как власть, богатство, роскошь, которые влекут за собой

злобу, алчность, жестокость... Лишение этих "сокровищ" причиняет мне страдания, короче, вступает в полные права привязанность к этому миру, миру форм.

Чем дальше я продвигаюсь вперед, тем суровее, коварнее, беспощадней становятся испытания и искушения, тем больше я наказываюсь за свои ошибки, тем сложнее и труднее мне двигаться дальше. Мне дают великую любовь - и лишают ее, дают - большую силу и богатство, великую власть - и делают больным и нищим рабом. Много дают - и много отнимают, меня бьют по самым больным местам. Но как раз это и имел в виду Соломон, когда говорил: "Кому много дано - с того много и спрашивается". И в этих же словах заключено и иное: "С кого много спрашивается - тому много и дано". Мудрому следует думать именно так...

Но мой путь продолжается и ситуации становятся все сложнее. Допустим, я достиг

непривязанности ко многому, но привязанность к отдельным вещам сохранил. Теперь удары моего "учителя", моей судьбы будут направлены именно на эту привязанность, побуждая меня освободиться от нее. Меня будут постоянно ставить в такое положение, где эта привязанность подвергается испытаниям "на разрыв". И так будет продолжаться раз за разом, из камеры в камеру, в различнейших формах и видах, пока я сам не пойму, что она иллюзорна, что я привязан к самим собою же созданному призраку, пока я не сброшу сам этих пут.

Такое на языке Путников называется прокатыванием или протаскиванием. (Как протаскивают проволоку, как канат протаскивают через игольное ушко. Именно это заключил в своих словах Иисус Христос: "Легче канату пройти через игольное ушко, чем богатому в царство Божье". Ошибка переводчика превратила "канат" в "верблюда", который так и остался в Евангелии. Бессмысленно, но "Учитель сказал!")

Но вот все материальные привязанности преодолены. Остается еще следующий этап - преодоление привязанности к себе, преодоление индивидуализма, эгоизма. В одной из камер ты находишь своего второго - человека, с которым вы отныне "скованы одной цепью", которого ты теперь обязан вести через этот лабиринт и вывести его. Так бывает, когда ты уже видел выход, уже знаешь его, и для тебя самого покинуть лабиринт уже, казалось бы, не проблема. Но перед тобой на выходе ставят условие: ты выйдешь наружу лишь после того, как вернешься назад, найдешь своего второго и выведешь его наружу, ибо без тебя, без твоей помощи сам он выйти не в состоянии.

И ты вновь попадаешь в одну из камер. Ты сохраняешь память о том, как выйти наружу (точнее, знаешь путеуказатели, имеешь компас, указывающий в какой стороне лежит выход, но не более, потому что камера, откуда ты теперь начинаешь свой путь и последующие за ней могут

быть тебе незнакомы.). Но прежде ты должен найти своего второго и соединиться с ним. Если вообразить себе такую камеру, как некую комнату, это может показаться легким, однако, камера эта - это жизнь, это время, это Земля. Ты же порой знаешь, каков внешне этот второй, по каким признакам его можно узнать, порой - знаешь только, что обязательно встретишь его на своем ПУТИ, но где, когда, как это произойдет и как ты его узнаешь - это от тебя скрыто, в этом помогай себе сам.

Положим, вы встретились. Но твой второй - это не ты, который знает ПУТЬ. Он может быть в большей или меньшей степени привязан к этому миру, соединен с ним "пуповиной", которую надо рвать, а это больно, и он не хочет этой боли, протестует против нее, как капризный ребенок, он брыкается, упрямится, щипает и бьет тебя, и лезет именно туда, куда не надо, где опасно, сует палец в огонь, не понимая, что может обжечься... А ты должен вывести его отсюда. Иного выбора у

тебя нет. И сложность еще в том, что он сам должен пойти за тобой, должен понять, что так надо, что иначе нельзя, силой в рай никого не тащат и свободными по приказу свыше не становятся... Конечно, все может выглядеть, и часто выглядит, по-другому.

Здесь нужно сказать об одной, если можно так выразиться, болезни "первых", которые и есть собственно Путники, высшие Посвященные, ибо для нас Путник, двиджива, начинается именно с этого этапа. Ведь двиджива означает не только дважды рожденный, дважды живущий, но и имеющий две души.

Понимать это следует так, что возвращаясь в определенную камеру, я не возникаю там "из ничего", как некая форма, к ней не приписанная, я вселяюсь в форму, присущую данному времени, данному месту, данной камере. И у этой формы есть свой ПУТЬ, изменить или нарушить который я не состоянии. Иное дело, что он соответствует

той задаче, которая мне задана. Таким образом, у этой формы оказываются как бы две "Я - личности": одна, присущая ей и этому миру, действующая и оценивающая подобающим образом, и другая - моя, присущая тому, кто вернулся сюда, кто знает истину. Поэтому внешне двиджива проявляет себя двояким образом: с одной стороны он действует разумно, с другой - вынужден подчиняться ПУТИ своей формы. Это подобно тому, как если бы я имел форму собаки, но обладал при этом умом человека. Я видел бы и понимал гораздо больше, чем другие собаки, и руководствовался бы в своих действиях мотивами и побуждениями, не знакомыми им, но для них я оставался бы такой же собакой, разве что со странностями.

Так вот о "болезни". Порой случается так, что двиджива, разыскивая своего второго и найдя его, особенно если все разворачивается благоприятно, впадает во вторичную привязанность к данному времени, ко всему тому, что есть в нем приятного,

хорошего, светлого для него. Он знает зачем он здесь и помнит о своей задаче и обо всем остальном, но покидает это время с сожалением, оглядываясь назад. И вот это-то условие "не оглянуться назад" иногда может оказаться решающим для успешного освобождения обоих. Именно о такой ситуации говорит миф об Орфее и Эвридике. Перед Орфеем, который выводил Эвридику из царства теней, было поставлено условие: не оглянуться назад, пока они не выйдут на свободу. Он оглянулся - и Эвридика вновь вернулась в мир теней. Туда же, хотя миф уже не говорит об этом, был вынужден вернуться и сам Орфей, чтобы вновь отыскать Эвридику.

Но положим, что я нашел второго и вывел его из лабиринта. Тем не менее, во мне может еще оставаться сожаление к тем, кто остается в лабиринте, кто мог бы выбраться из него быстрее, если бы я помог им, показал путь к выходу на свободу. Я могу и не возвращаться туда, я свободен, но несвободны они, и их несвобода -

моя несвобода. И я по доброй воле вновь иду в этот лабиринт, ради тех, кто остался там, жертвуя собой за их свободу. Таковы Великие Путники: Иисус, Кетцалькоатль, Будда и множество других, известных как пророки, просветители, учителя народов и т. д. О каждом из них можно говорить отдельно и очень много...

- XIV -

Решив уже было закончить этот очерк, я вдруг представил себе читателя, который с растерянным выражением лица спрашивает:

"А дальше как? Что же теперь делать?..." Ведь нынче, особенно на Западе, люди привыкли, чтобы учитель или наставник брал их за руку и вел, или, хотя бы, задавал уроки, домашние и контрольные работы и т. п. "И, если уж браться за что-то, то за что-нибудь реальное, осязаемое, вещественное. А то, что было сказано - это ведь теория, дайте нам практику, дело!" Но фокус в том, что какой-то единой практики у Путников нет. Каждый выбирает для себя тот или иной метод духовного развития, самоусовершенствования, самопостижения. И комплекс, сложившийся таким образом у каждого, является, как правило, чисто индивидуальным, хотя порой и схожим с чьим-

либо другим. Но пару практических советов самого общего характера здесь привести можно.

Начинающим для общего укрепления здоровья, развития силы, гибкости, выносливости, для полного подчинения себе своего "Я - физического" (а заодно и дисциплинирования "Я - личности") можно рекомендовать Хатха-йогу, а также гораздо менее известную, но очень полезную во многих смыслах Шива-йогу. Познакомиться с ними можно по другим источникам. Из специфических, применяемых Путниками, упражнений можно привести следующие:

"ЛУК". Станьте спокойно, прикройте глаза, расслабьтесь. Проверьте, нет ли где в мышцах скованности, напряжения, "зажимов". Если есть, то постарайтесь устранить это чувство, надо, чтобы это не оттягивало на себя вашего внимания. Когда это сделано, не открывая глаз, представьте себе, что вы держите в руках лук и стрелу, а вон там - цель. Вообразите ее себе как

можно яснее: как она выглядит, какого цвета ее крути, как далеко она находится. Старайтесь воссоздать в воображении все детально, но и скупю, чтобы эти детали можно было удержать в памяти.

Станьте в позу лучника, готовящегося натянуть лук. Вообразите себе этот лук, почувствуйте его тяжесть, внушите ее себе, вот он оттягивает руку - чувствуете? - и как он ее оттягивает, насколько сильно поддается рука этой тяжести. Потрогайте пальцем тетиву, ощутите, какая она жесткая на ощупь, упругая, как она давит в ответ на прикосновение, какая сила понадобится вам, чтобы ее натянуть. А вот стрела - какая она ровная, как отточен ее конец, и как она лежит деревянным полированным боком на первой фаланге левого указательного пальца и как вы ее держите на тетиве. Выверьте позу: как вы стоите, хорошо ли расставили для выстрела ноги и уперли их в пол, удобно ли отогнулись назад, верно ли держите голову и руки, короче, чтобы во

всем было полное правдоподобие. Все это делайте, не забывая, что лук у вас в руках и вы сейчас начнете его натягивать, просто готовитесь к этому...

Когда все готово - начинайте медленно натягивать лук и делайте все по настоящему. Ни в коем случае не спешить! Каждое движение начинайте с того, что изучите его: вот вы потянули руку так, у вас напряглись эти и эти мышцы настолько, сколько нужно для преодоления сопротивления тетивы, или, чтобы удерживать лук в этом положении. Дальше - вы напрягаете их еще сильнее, заставляете руку оттягивать тетиву медленно и плавно. В то же время сосредоточенно целитесь, особенно, когда лук уже натянут и вы с трудом удерживаете тетиву в руках. Но держите ее пока не убедитесь, что прицелились точно в центр мишени, и тогда спокойно, без рывка, отпускайте стрелу! Выпрямьтесь и расслабьтесь.

Первое время делайте это упражнение не более 2-3 раз. Если вы будете делать его добросовестно, то больше его сделать трудно из-за больших нагрузок. Удачно или неудачно вы его выполнили - проверяйте по тому, почувствовали ли вы облегчение после "выстрела" и долго ли будут у вас потом ныть те мышцы, которые работали (это будет, если вы не тренированы). Если да - то удача. Если нет - в другой раз настройтесь получше, сделайте все правдоподобнее. Вы в самом деле должны стрелять из этого "лука", и не смейте, если все пойдет хорошо, "гнать" это упражнение по 5-10 раз подряд. "Как же, ведь легко получается!" Легко быть не должно, если вы все делаете правильно. И если все-таки кажется легко, не искушайтесь, мышцы будут ныть не сразу, а позже, не отравите себе вкус к занятиям, поберегите настроение и здоровье. Повторяю: здесь закон - постепенность и неторопливость, "лучше меньше, да лучше"!

"ШТАНГА". Техника выполнения та же, что и с "луком", только взамен воображаемого лука есть воображаемая штанга. В первом упражнении физически большая нагрузка на плечевой пояс, торс. В этом - общая на все мышцы, особенно ноги, брюшной пресс, мышцы-разгибатели спины. Здесь необходима еще большая осторожность относительно перегрузок.

Сначала "штанга" с весом, который вы реально можете выжать (с усилием, но хотя бы раз). Потом увеличивайте ее вес понемногу. Заставляйте каждую мышцу работать, будто в руках у вас настоящая штанга. Вначале повторяйте упражнение 2-3 раза, но без халтуры. Потом наращивайте жимы, после этого наращивайте вес "штанги" примерно по 5-10 кг за раз.

Практически, не в теории, если вы добросовестно выполняете это упражнение, можно довести вес "штанги" до 2 тонн. Называю эту цифру не

потому, что она мне нравится, но потому, что в нашем веке реально существовал человек, который мог без особого усилия, как норму, переносить груз такого веса, и даже более. Ничего сверхъестественного здесь нет. Давайте разберемся в этом, а заодно поговорим и об иных преимуществах упражнений такого рода.

Главное в них то, что они дают человеку силу без "накачки" мышц. Единственное внешнее изменение только более гармонично развитые мышцы: чуть уменьшатся переразвитые, чуть увеличатся недоразвитые. Зато вы обретете умение по собственной воле управлять своими мышцами, сможете пользоваться ими сознательно и экономно, только теми, которые необходимы в данном случае и насколько это необходимо. Это власть над своим телом, пластика, точность движений и грация дикого животного при многократном увеличении силы.

При нашей обычной динамической системе физического развития мы фактически занимаемся бессистемной и бездушной общей накачкой мышц. Они растут, сила растет, но это глупая сила, потому что мышцы из-за переразвитости сковывают себя и мешают друг другу работать. В результате там, где мы можем справиться с нагрузкой, напрягая одну-две мышцы, включается в дело добрый десяток их, как толпа, которая берет не разумом, но массой: "раз-два, взяли!.." Отсюда излишняя трата энергии, кража собственной силы, которую мы так заботливо развиваем, более быстрая утомляемость и прочее. Зато - ах, какие мышцы, как красиво они перекачиваются желваками! Ах, какая фигура! Геркулес! Но обратите внимание, как такие люди скованы своим весом, своей массой мышц, как они на самом деле порабощены своим телом. Мы просто по традиции считаем это красивым, привыкли так, и потому часто не замечаем того, о чем сейчас

говорится. Но всмотритесь - и вы поймете, что я прав.

Упражнения Путников, кроме уже сказанного, намного повышают выносливость. Разумно используя свои мышцы, вы даете им отдых. Вместо десятка работают одна-две, остальные отдыхают, их можно подключать к работе по мере необходимости, как резерв. Когда нужна мгновенная, резкая выкладка большой силы, вы можете пустить в ход все мышцы сразу, но так, чтобы они не мешали, а помогали друг другу, эффект будет потрясающий с обычной точки зрения.

Вот муравей тащит лист, который намного больше его самого. Если увеличить вес листа во столько же раз, во сколько человек больше муравья, вы не сдвинете его с места. Однако Путники учат, что вы можете добиться того же, что и муравей. Ведь он неосознанно, чисто инстинктивно, делает именно то, о чем сказано

выше. Да и не только он. Любое дикое животное действует именно так, потому-то любое из них, пусть и меньше человека, будет сильнее его, например, рысь или леопард. А вспомните льва, который с буйволом в зубах прыгает через забор и тащит его на себе бегом несколько километров. И лев тут не совершает никакого подвига, это его повседневное дело, даже не слишком трудное для него.

Упражнения Путников значительно помогают развитию внимания, воображения, интуиции, воли, выдержки, сосредоточенности и самообладанию. Откуда это следует - пояснять, я думаю, не надо

Вот еще одно упражнение, уже более высокой ступени, которое я бы назвал "РАЗВЛЕЧЕНИЕМ ВИРТУОЗА". Для начинающих оно практически невыполнимо и, тем не менее, я бы рекомендовал им пытаться выполнить его. Это принесет

каждому несомненную пользу, даже если до полного успеха еще далеко.

Станьте перед зеркалом и расслабьтесь. Не напрягая тела, оставаясь в расслабленном состоянии, усилием воли заставьте сокращаться ту или иную мышцу по своему выбору. Вынудите ее повиноваться приказу и не отступайте до тех пор, пока она не подчинится вашей воле. Сосредоточьтесь на этом целиком, до предела. Тут вам отступать нельзя, иначе потом мышцы слушать вас не пожелают. Так что перед этим упражнением и во время его выполнения вы должны быть абсолютно уверены в своей силе и своей победе, должны ощущать свою власть над телом, вы его господин, а не оно ваш. Нужна подготовка чисто психологического плана, нужно умение хотеть того, чего хочешь так, что сильнее некуда, нужно время, упорство и решимость не отступать.

Когда вы научитесь этому, вы сможете играть своими мышцами, как виртуоз на музыкальном инструменте, как Паганини на своей скрипке. Что это за свобода и какая радость вы, надеюсь, убедитесь сами.

И в заключение еще одно упражнение, очень полезное для людей сутулых, скованных, с тяжелой походкой и, что идет в пару с таким комплексом - угрюмых, подавленных, с дурным настроением и мрачными взглядами на жизнь и все вокруг.

Представьте себе, что под вашу одежду (пиджак, пальто, куртку, кофту) продета вешалка с крючком и этот крючок чья-то могучая рука тянет вверх так, что ваши ноги, хоть и не отрываются от земли, но только легко прикасаются к ней. Вы не идете - вас несет вперед эта рука, лишь позволяя перебирать ногами, создавая иллюзию, будто вы движетесь сами. Не сопротивляйтесь этой руке. Позвольте ей нести вас туда, куда вам нужно, на

этой "вешалке", а сами отдыхайте, пока она действует.

Расслабьтесь, повисните на этой вешалке и вы сразу почувствуете легкость, какую давно не испытывали, у вас улучшится настроение, вы сможете идти быстро и долго, не уставая. Практикуйте это упражнение при ходьбе, где угодно, но самое главное - постоянно, как можно чаще. Не забывайте об этой руке, где бы вы ни были. Вы научитесь ходить легко и свободно, естественно, и вам станет легче дышать, исчезнет сутулость, будет лучше работать сердце, до того стиснутое, сдавленное неподатливыми мышцами грудной клетки. Как результат - постоянное ощущение бодрости. А человек, который бодр, смотрит на мир иными глазами, чем человек усталый, и оценки тех же событий и ситуаций у него иные, более светлые и оптимистичные.

Все эти упражнения имеют и еще свое особое назначение, куда более глубокое, чем сказано

выше, в мировоззрения и практике Путников, т. е. в магии. Достаточно сказать, что последнее из них - ключ к преодолению силы тяжести, гравитации, и что реализация заключенной в нем идеи позволяла магам и йогам парить над землей, летать по воздуху, переходить посуху Ганг и т. д. Свое магическое значение имеют "ЛУК" и другие упражнения. Однако, это уже достояние тех, кто достиг более высоких ступеней в освоении Учения. Дополнительная информация об этом может быть получена в медитации.

Для практики медитации нужно прежде всего спокойное, безопасное место. Пусть это будет комната или угол ее, или любое другое место, где вы сможете чувствовать себя совершенно спокойным. То, что будет сказано ниже об организации такого места - есть идеал, к которому следует стремиться, исходя из конкретной реальности. Допустим, у вас есть комната для медитации. Это еще не все. Вы должны, во-первых, выбрать в этой комнате место

удобное для вас. Пусть это будет коврик в углу или стул, диван, кресло - не важно. Тут играет роль насколько это место удобно и уютно для вас. Кстати, культивирование этого ощущения уюта постепенно сделает это чувство вашим постоянным качеством, вашей натурой, и затем вы в любом месте словно чутьем будете безошибочно находить наиболее удобные и притягательные для вас места. Это, в свою очередь, поможет вам всюду чувствовать себя естественно и свободно. А окружающие будут претендовать именно на это, избранное вами место, как на самое удобное.

Убранство комнаты - от аскетической скудности вещей до их "художественного" развала. Важно лишь то, что для вас привычно и естественно, что созвучно вам. Образно говоря, обстановка должна напоминать старые домашние туфли, которые не чувствуешь на ноге. Если в комнате для медитации есть что-то, от чего на вашей психике

возникает "мозоль", это что-то надо убрать, устранить.

Главное - в этой комнате не должно быть ничего лишнего, раздражающего, мешающего, отвлекающего. Это относится к освещению, чистоте воздуха, температуре и т. п., все это вы определяете сами. Желательно иметь тут некий "алтарь" (эту роль может выполнять столик, полочка и т. д.), где будут находиться предметы или символы для медитации. Затем, где-то в пределах видимости, но в стороне от "алтаря", надо поместить "черный камень", "черный квадрат" - вещь, которая может быть чем угодно, но иметь такое нарицательное имя и нести соответствующие функции. Перед тем как практиковать медитацию, коснитесь этого "черного квадрата" и передайте ему все ваши злые, мелкие, суетные чувства и мысли, беды и заботы, а заодно и всяческие тщеславные, самолюбивые, своекорыстные побуждения, подобно тому, как входя в чистое помещение, вы

оставляете за порогом грязную обувь. Сюда - особенно в первое время! - вы должны входить спокойным, уравновешенным, отрешенным от "суеты сует" внешнего мира. Это - ваш мир, и вы начали его заполнять, и от вас зависит, будет ли он добрым или злым. Для усиления этого ощущения чистоты, перед тем, как приступить к медитации, выполняют ритуальное омовение. Вы можете вымыться, надеть чистое платье, предназначенное для медитации, затем, прикоснувшись к "черному квадрату", отдать ему всю вашу грязь так, чтобы он ее принял, и после этого примите удобную для медитации позу.

Что касается "черного квадрата" - это чрезвычайно важный атрибут. Приучите себя всегда, в любое время, в любой обстановке помнить о нем и почаще повторяйте себе следующее утверждение: "Все это делает за меня он. Если меня хвалят, я тут не при чем, это его заслуга. Если меня ругают, я тут не при чем, это его заслуга. Я только его рука, только его оружие".

Благодаря такой практике, вы обретете нерушимое спокойствие, равновесие, которое окажет вам неоценимую помощь в вашей жизни и без которого медитация попросту невозможна. Если в процессе медитации у вас возникнут какие-то мелкие, суетные мысли, тут же отсылайте их к "черному квадрату".

Что касается тем для медитации - выбор их принадлежит полностью вам. Для начинающих можно вести медитацию над пустотой, над "Я - центр мира", над "тат твам таси - ты есть то" и т. д. Что касается темы: "Я есть ВСЕ и ВСЕ есть НИЧТО", добирайтесь здесь до глубокой сущности, отбрасывая все различия. И если "Я" есть и то дерево, что я вижу за окном, и та птица, которая только что пролетела мимо, и тот дым, что поднимается из дальней трубы, и это небо, затянутое облаками - почему же я, называя себя собой, имею в виду только эту форму, почему я насильно привязываю себя к ней, ограничивая

себя, свои знания, свои возможности, свое могущество?

Таковыми же темами могут служить "добро - зло", "ковёр жизни", "триединое Я", "путь" и т.д. Повторяю, можно найти множество тем. Практически всё может служить, да и должно служить, темой для медитации.

Чтобы пояснить эту мысль, давайте рассмотрим, какая бывает медитация. Сказать, что это просто размышление на определенную тему, было бы в корне неверно. Медитация - это как бы своего рода отрешенность от уз внешнего мира, обращение внутрь самого себя. В состоянии медитации я могу сконцентрироваться на некой мысли, либо могу полностью изгнать из своего мозга мысли, слова, оценки, сделать его чистым. Со стороны это может выглядеть, как своеобразная рассеянность, либо, наоборот, как крайняя сосредоточенность на чем-либо. В принципе, это состояние безмыслия (МУ-ШИН)

или разумного действия, именно оно и имеется здесь в виду. На первых порах мы сможем находиться в таком состоянии только некоторое время. Наша цель - достичь постоянного пребывания в состоянии разумно-действующем, тысячерукой Ханнон, состоянии Будды.

Попутно: многих новичков удивляет то, что гуру и учителя, даже преподающие физические упражнения Хатха-йоги или упражнения Путников сами их либо не выполняют, либо пользуются ими крайне редко. "Как же так? Раз он учитель, то он должен знать и уметь больше!"

А он и знает больше и умеет больше. Другое дело, что для себя эти упражнения ему уже не нужны. Во-первых, технически тут примерно то же, что и с первоклассником, который учится писать крючки и палочки, чтобы потом составлять из них буквы, а учитель не думает о крючках и палочках, он просто пишет скорописью. Во-вторых, гуру получает тот же эффект, что и

ученик, благодаря имеющемуся в его распоряжении множеству различных способов воздействия на себя и свое "Я - физическое" изнутри, причем воздействие это куда более результативное и действенное. Дело в том, что "триединство" личности ученика еще раздроблено, расчленено, дисгармонично, ему только предстоит достигнуть этой гармонии. У гуру же между элементами этого триединства существуют крепкие, гармоничные связи, это действительно три-единство, в котором воздействие на один элемент оказывает столь же сильное влияние и на два других.

Как видите, и Учение и его люди кажутся простыми. Но это простота гениальности, и именно поэтому так сложно добиться ее и таким огромным трудом она дается. Однако, думается, те сокровища, обладателем которых становится Путник, с лихвой окупают любой, самый тяжкий и кропотливый труд. Главное же достоинство этих сокровищ, по нашему мнению, в том, что

они и есть обретение этого мира, овладение им, они, наконец, и есть обретение себя, обретение истины, обретение счастья и свободы. А ради этого стоит и трудиться и жить.

КОНЕЦ